

Смирнова Ирина
Джейд Дэвлин

ГЕРЦОГ
НА СЧАСТЬЕ

Ирина Смирнова
Джейд Дэвлин
Герцог на счастье

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69868441

Аннотация

Следователь – это призвание, вот меня и призвали в другой мир. Спасай, баба Поля, невиновных! В качестве оплаты – титул, деньги, молодое тело и... герцог. Ладно, будет как сувенир, на счастье!..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	43
Глава 8	49
Глава 9	56
Глава 10	62
Глава 11	67
Глава 12	73
Глава 13	81
Глава 14	87
Глава 15	92
Глава 16	99
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Джейд Дэвлин, Ирина Смирнова Герцог на счастье

Глава 1

– Шыть! Что ж ты, кошелка слепая, мимо-то ползешь!

Старая подруга вздрогнула и едва не уронила палку, которой довольно бодро стучала по тротуарной плитке, двигаясь вдоль кустов.

– Ты, что ль, Полька? – Она, как заправская шпионка, полезла в сумочку за очками, сделав вид, что ее очень заинтересовало объявление на двери подъезда.

– А ты кого ждала, Патриса Лумумбу, что ли? – хмыкнула я. – Значит, так, Наталка. Гадюка клюнула. Сегодня придет ко мне, якобы давление померить. Как я и думала, в поликлинике, подлая, окопалась. Уж я ей порасскажу нужного, она от меня быстро не выберется.

– Может, ну его? – Подруга напряженно поджала и без того запавшие морщинистые губы. – Сколько бы нам ни осталось, все жизнь.

– Ленка тоже жить хотела, – вздохнула я. – А мне осталось с гулькин хрен, диагноз подтвердили. Мало кто старухе

с такими сосудами и сердцем химию делать рискнет, только за большие деньги. Зато на прощание дверью хлопну и за себя, и за Ленусю!

Во рту стало горько, потому как помирать вовсе не хотелось. Люблю я жизнь, даже сейчас. Но справедливость и Ленку люблю больше. Так что действуем по плану.

– На вот. Отдельный телефон тебе со всеми настройками. С доступом к моему умному дому. До квартиры добредешь, выходи на связь.

Ленка была нашей общей подругой. Елена Дмитриевна Дрогуневская, профессор филологии. Вот только на старости лет она совсем крышей поехала, бедолага. Впустила в дом мошенников, переписала на них квартиру в столице и после этого не прожила и недели.

Никого не удивила смерть старой развалины. Никого не насторожила. Родственников у Ленки не было. Только мы с Наталкой, две старые перечницы, еще интересовались, как она там шуршит в своей норе.

Слава богу, ни моих мозгов бывшего следователя, ни Наталкиных насквозь педагогических извилин маразм не тронул. Ну, то есть если не учитывать нашу последнюю авантюру, конечно.

Но мы решили отомстить за подругу и вывести преступников на чистую воду. Просто подать заявление в полицию не помогло бы, ведь доказательств у нас не было. И связей у меня, как назло, не осталось, я на пенсию уже давненько

вышла. Те, кто меня помнил, уже из органов ушли, а то и померли вообще.

Так что ловить решили на живца. На все мои гробовые закупились аппаратурой – чтобы писать гадов в реальном времени и сливать видео в облако. Наташкин правнук научил. Правда, он не понял, чего бабкам в облаке понадобилось, но и спрашивать особо не стал. Хороший мальчик, умный.

А вот у меня родни, как и у Ленки, не осталось, во всяком случае той, о которой стоило бы упоминать. Прожила бобылкой всю жизнь, замуж вышла за работу. Не сказать, чтобы раньше жалела, а сейчас так и вообще удобно: не за кого бояться.

Не за себя же?

Спасибо, отбоялась. Отжила. Зато квартирка двухкомнатная, в хорошем районе, недалеко от метро. И до недавнего времени – вполне сносное здоровье. Только вот сколько веревочке ни виться, а конец все равно в онкологическом отделении.

Ну нет!

– Раз-раз! – уже дома, сбросив галоши на меху и пройдя в кухню, позвала я. – Алиса, дай мне Наталку.

– Сейчас дозвонюсь, – приятным голосом мурлыкнула система. – Наталья Леонидовна на связи.

– Молодец, – сказала я и отключила Алисе голос, чтобы она чего не сболтнула при засланной медсестре-подлюке. –

Наталка, слышишь меня? Как обзор?

– Ты, старая, будто в порно сниматься собралась, а не в ящик сыграть, – раздался голос подруги. – С таких ракурсов я тебя еще не видала ни разу.

– И отлично. – Я с энтузиазмом прошлепала к мойке и взяла чистую чашку. – Сейчас кофейку... мне уже все можно. Подлюка-засланка через полчаса должна прийти. Успею следы преступления ликвидировать. А ты проверь пока, как видео на облако пишется.

Тем же вечером, лежа в кровати, я устало улыбалась в потолок. Все шло по плану. Банда мошенников клюнула. Мало того, они повелись на мою легенду о непроходимой глухоте. Поганка из поликлиники пару раз проверила – обозвала меня старой дурой вполголоса, глядя прямо в глаза. А я только благостно кивала в ответ и предлагала ей конфетку к чаю.

Ну и в результате девица с кислотным цветом волос довольно бодро принялась болтать в телефон, когда я попросила прощения и отлучилась в ванную. А Наталка все это писала. Конечно, имена-пароли-явки вот так сразу из гадины не высыпались, но кое-что она все же сказала вслух.

Думаю, недели им хватит, чтобы меня окучить. Я уже пожаловалась «миллой медсестричке» на свое тотальное одиночество и плохое здоровье. И на то, что с головой стало сложно, все забываю, все путаю...

Как планировала, так и случилось. Всего на один день

дольше эта банда со мной возилась, чем мы с Наталкой рассчитывали. Проверяли, видать, через реестр недвижимости и по своим каналам, что там у меня с квартирой и родней. Невдомек было паразитам, что у нас с Наталкой все предусмотрено. В тот же день и час, как эти сволочи решат меня кончать, Наталка не только выложит в интернет все подробности дела с видеодоказательствами и моими заверенными показаниями, не только позвонит в полицию, но и пнет своего старшего внука в сторону нотариуса. Завещание в его пользу я составила ровно на день позже, чем подписала похожее на ту самую ядовито-волосатую паскуду из поликлиники. Да и ей вместо нормальной своей подписи везде с шикарным росчерком написала «ФигТебе». У меня профессионально нечитаемый почерк следователя, так что зараза ничего не заподозрила. А вот профессионалы прочтут правильно.

Сегодня наверняка все решится. Я так устала... даже рада, что скоро все кончится. Бояться, что опухоль в мозгу выключит мне этот самый мозг раньше, чем я довершу последнее свое дело, неприятно. Но слава всем чертям, проходимцы тоже торопятся.

Не зря же на моей старушечьей кухне, отремонтированной и чистенькой, но нарочно старомодной, сидит эта молоденькая пакость, смотрит на меня во все глаза и лыбится как гиена. Очень забавно слушать, как она бормочет чуть в сторону, чтобы я не прочла по губам: «Достала, гримза старая». И все время косит взглядом в телефон.

Поскольку я по легенде полуслепая и почти глухая, девка не боится оставлять телефон в сумочке, когда идет в туалет. А бегаёт она туда сегодня часто – я ей мочегонного и слабительного в кофе добавила. Небольшую дозу, только чтоб слегка прослabilо. Все честно, она же мне в чай плеснула чего-то явно убойного? Ну и я не лыком шита.

Зато пока она постоянно облегчается, я строго по инструкции дала доступ к ее телефону Наталкиному правнуку. Он опять ничего не понял, но пообещал выкачать и список контактов, и фото, и документы, и еще много чего интересного.

Баста, карапузики, кончились танцы. Вся банда пойдет под суд, за Ленуську и за меня. Я даже сегодня на всякий случай проглотила кошачий GPS-трекер. А то вдруг эти бандиты решат меня в лес вывезти? Глупо, конечно, ведь в их же интересах, чтобы мой труп как можно скорее нашли и смерть признали естественной. Но подстраховаться не помешает. Это только в кино преступники умные и хитрые, как профессор Мориарти. Мой опыт следователя доказывает: самоуверенных дураков среди них больше, чем среди нормальных людей. Так что если понадобится, меня откопают по гугл-карте.

Глядя в чашку с чаем, от которой вовсю воняло чем-то медицинским, я устало и удовлетворенно улыбнулась в сторону скрытой камеры. Прощай, Наталка, даст бог, на том свете свидимся. А я ухожу как положено настоящему следоку –

вцепившись, пусть и виртуально, в горло преступников. Хорошая смерть.

И, мысленно чокнувшись с камерой, я выпила махом всю кружку.

Глава 2

– Дура! – жарко прошипел кто-то мне в самое ухо. – Не лезь! Ты ничего не сможешь сделать, слышишь? Ничего!

Как-то я иначе представляла себе смерть. Отродясь не верила ни в тот свет, ни в другую какую мистику. А между тем туман в глазах поредел, я проморгалась и оторопела. Что? Может, не добились, ироды-халтурщики? Хм...

Для начала, никакой кухни вокруг не наблюдалась. И могилки тоже. Я стояла на... на площади? Да, на небольшой площади в окружении красивых зданий несколько готического вида, хотя некоторые вполне тянули на новострой.

Вокруг была толпа каких-то косплееров. Буквально в полшаге от меня торчала чем-то очень довольная девица, разряженная по невероятной моде с претензией на историчность. А прямо напротив посреди пустого пространства высился эшафот. И на нем кого-то вешали.

Странно, но я даже без очков сумела рассмотреть довольно молодого мужчину, раздетого до пояса, со связанными руками и исхлестанной кнутом спиной.

Казнь, по всей видимости, была показательно-мучительной, потому что петля, накинутая несчастному на шею, не должна была сломать ее сразу. Ее затягивали медленно, так, чтобы преступник бился в агонии как можно дольше.

И вот я открыла глаза как раз для того, чтобы увидеть

первую судорогу.

Именно это зрелище взорвало что-то в моей голове.

Рваными, невнятными обрывками, как старая пленка с частично испорченными кадрами, ко мне приходили чужие воспоминания.

Стоящая рядом девица – моя подруга, наверное теперь бывшая, а еще дальняя родственница и единственная наследница мужчины, которого сейчас вешают. Конечно, его смерть в ее интересах, а еще она, по-моему, что-то знает... Неважно, потом разберусь!

Главное, висельника еще можно спасти, и девчонка, в тело которой меня занесло (всегда презирала книжки про попаданок, так что это явно мне наказание свыше за высокомерие), как раз собиралась это сделать. Собиралась, но не успела, потому что ее маневр разгадали. И подружка задействовала свое кольцо с выпадающим шипом.

Надеюсь, девица лишь хотела, чтобы мою предшественницу временно парализовало. Хотя, будучи подругой, должна была знать и про аллергию на вполне безобидную с виду траву, и про слабое сердце, на которое как раз проще всего свалить смерть во время такого страшного зрелища. Так что поди разберись, глупость или злой умысел...

И свалилось это все на меня, так как перед смертью девчонка взмолилась к высшим силам. А у тех, видать, приемные часы как раз были. Выслушали, прониклись.

В итоге молодая коза натворила дел и ускакала, а мне, ста-

рой, вместо заслуженного отдыха теперь все это расхлебывать. Здорово высшие силы вывернулись. Делегировали задачу на мою голову.

Правда, дело вроде плевое и очень на Ленкино похоже. Может, поэтому меня на него и перекинули? Понять бы еще, за награду или просто так.

Нет, уже ясно, что мужик теперь мой будет, сто лет бы он мне не сдался! А с другой стороны – жалко. Он-то точно ни в чем не виноват. Ну, разве в том, что наследница у него, похоже, интриганка оказалась. Приютил дальнюю родственницу на свою голову!

Только уж как-то все больно складно выходит. Подозрительно.

Эх, ладно, сначала спасу, а потом уже разбираться стану. Что я, не найду, куда бесхозного мужика пристроить?

– Стойте! – Я отскочила на шаг от раскрывшей в изумлении рот красотки и кинулась к помосту. – Стойте! Остановите казнь! Я, как особа королевской крови, заявляю, что готова выйти за этого мужчину замуж и взять его под свою ответственность!

На площади разом стало так тихо, что скрип натянутой веревки и мучительный хрип казнимого ударил в уши. А потом палач отпустил свой конец, и мужчина в петле бессильно рухнул на колени, кашляя и пытаясь дышать.

Еще бы они тут все не обалдели! Судя по всплывшим в моей голове воспоминаниям, такой цирк в королевстве уже

лет двести никто не устраивал. Желающих из королевской родни не было.

В моей предшественнице, кстати, той крови кот заплакал. Но она есть! И формально отказать мне в сумасшествии никто не может.

Вот только и помогать никто не собирается. Так что я сама влезла на эшафот и принялась стягивать петлю с шеи бедного висельника. За что заработала от него взгляд. Такой, наполненный высокомерным презрением и испепеляющий морально. Даже мурашки по коже пробежали!

М-да. Новая партия воспоминаний незаметно вклинилась в мои мысли. Что-то я-прежняя там подписала...

А! Все становится немного яснее. Этот парень – ректор местного университета и по совместительству герцог. Обвинили его в покушении на короля. Ого!

И по уликам сразу определили, что использовался для этого некий артефакт, действие которого и подтвердила моя подруженька. Заявила во время экстренного допроса по горячим следам, что видела то ли свечение, то ли сияние, то ли вообще только жужжание слышала, где-то там, в районе спальни преступника, у которого она проживала на правах бедной родственницы.

Тут картинки становились смутными, потому что прежняя хозяйка тела испытывала слишком много разных эмоций по данному поводу.

Она в тот день впервые оказалась в герцогском замке,

ее захлестнули томления и впечатления. Ведь тут обитал предмет ее трепетно-невинной влюбленности.

Когда же в дом вломились гвардейцы, она инстинктивно подтвердила про жужжащее свечение, потому как подруга слишком уж реалистично его описывала.

Интересно, это специально было сделано или по недомыслию? Ведь очевидцев правильно допрашивать по отдельности, иначе один свидетель с богатым воображением так красочно поделится увиденным, что все остальные тут же поверят, что и они лицезрели нечто подобное.

Эффект стопроцентный! Даже те, кто видел белое, все равно начнут сомневаться: а может, все же было черное?

Вот примерно так и произошло. Девчушка еще ничего осознать-то не успела, как ей убедительно пересказали, точнее подсказали, что именно она должна была увидеть. И быстро потребовали подтвердить правоту подруги. А подруг же не предают?

Поэтому Оливия Рокруа (это я наконец-то вспомнила, как меня теперь зовут!) кивнула, промолчала и подписала протокол почти не задумываясь. По инерции. А потом, когда поняла, к чему привело ее свидетельство, ужаснулась и начала вспоминать, что же она видела на самом деле. Ну и до-вспоминалась до того, что ничего-то она не видела, лишь слышала вопли наследницы герцогства в духе «смотри, смотри, что это жужжит и светится?!».

Короче говоря, эта дуреха своими руками отправила свой

тайный любовный интерес в петлю. О чем недовисельник наверняка прекрасно знает.

Протоколы-то видел и подписывал, наверное. Или на суде слышал. Без разницы. . . Позже разберусь, как здесь судебные процессы протекают. Но уведомить, с чьих слов его обвиняют, должны были обязательно.

Главное, моя предшественница была уверена в его невиновности и старалась спасти. А я теперь за нее. Так что пусть хоть углядится, мне его надо с эшафота стащить. Ноги-то у бедолаги не идут.

Глава 3

Звали моего спасенного красиво и смешно. Кеннет Майбар, герцог Оттон Гемс. Кен! А я при нем теперь, стало быть, вместо Барби буду...

Мой нервный смешок заставил мужчину судорожно закашляться – он, кажется, пытался что-то сказать и не смог. Неудивительно – его же вешали. Хорошо, подъязычную кость не сломали. Но горло наверняка травмировали.

Ладно, с эшафота я его свела. Точнее, почти снесла. А дальше куда? Палачи только начинают переглядываться, глашатай на помосте крутит головой и хлопает глазами, толпа потихоньку начинает гудеть. Моя пятая точка отчаянно чешется – на ней наверняка выступила крупная надпись прыщиками: «Беги, пока они не опомнились!»

А куда бежать-то? И как? Пешком мы с недовисельником Кеном далеко не уйдем. Значит, нам нужен извозчик. Тут есть извозчики?

Как назло, пленка с памятью Оливии именно в этот момент заклинила. Пришлось воспользоваться интуицией.

Поскольку за спинами расступающихся в шоке горожан виднелся всего один экипаж, к нему я и устремилась. Ну и что, что он черный, а выпученные глаза возницы вот-вот выпадут на мостовую? Колеса есть? Лошадь есть? Годится.

– Любезный... – Я подтащила своего «мужа» к этой странной конструкции. Сиденья там... хм. Не экипаж, а телега какая-то со скамейкой. И к скамейке еще веревки зачем-то привязаны. Ремни безопасности?

И только когда мы уже влезли, а недовисельника принялось еще сильнее корчить, я вдруг поняла: мать моя! Похоже, мы забрались на катафалк, на котором Кеннета приволокли на площадь для казни, а потом должны были увезти труп.

– Любезный, вам ведь заплатили за работу? – спросила я у возничего.

Тот замороченно кивнул.

– Тогда отвезите нас...

– На кладбище? – прохрипел несчастный водитель кобылы. А недовисельник снова согнулся в кашле. Хотя я не уверена, почему его так колбасит – отходняк накрыл или просто ржет от абсурдности происходящего. Лишь бы крышей не поехал...

– Нет, на кладбище рано. Отвезите нас в дом герцога. Это ведь ближе?

Пока мы ехали на катафалке через половину города, у меня было время подумать. Понаблюдать за недобитым герцогом. Поглазеть по сторонам. Включить интуицию следака на полную мощность и едва подавить порыв заерзать на лавке: надпись на чувствительной к неприятностям части тела явно меняла конфигурацию. И там добавились новые строчки. Эдак у меня не попа-чуйка будет, а роман Льва Толстого

«Война и мир».

А еще я немного подергала заклинившую пленку чужих воспоминаний. Не то чтобы совсем безуспешно, но в итоге вышло весьма криво, медленно и печально.

Помирать было проще, чем выживать в новой реальности, с висельником под мышкой и неясными перспективами.

Хорошо еще, что под оградой стоять не пришлось, выискивая способы проникновения. Ворота в довольно большое поместье засветились, повинувшись всего лишь прикосновению руки владельца.

О! Не все так отстало и средневеково, как мне показалось? Сенсорный замок? Стоп, а это что за бумажка?

– Подожди! – Я схватила Кеннета за руку, но было поздно. Он уже толкнул ажурную кованую створку, и тонкая полоска желтого цвета с красными загогулинами порвалась.

Я задержала дыхание, ожидая, что сейчас ка-а-а-ак... ну, раз тут магия, а эта пакость мигает, логично ждать большой бадабум.

Но ничего не произошло. Можно выдохнуть. Вот только окончательно расслабляться рано.

Даже если нарушителей не пришибло на месте, это не значит, что полоска с каракулями всего лишь печать на поместье опального герцога. Вполне возможно, что она еще и сигналка, типа как в моем мире, только с помощью магии.

И скоро нас посетят гости. Официальные.

А пока, отпустив катафалк, я потащила «мужа» по дорож-

ке среди цветущих кустов к входной двери. На ней тоже была бумажная лента, но теперь я не пыталась остановить хозяина, когда он и это препятствие устранил одним прикосновением.

Дом внутри оказался удивительно просторный и светлый, хотя снаружи напоминал жилище семейки Аддамс: готический стиль с устремленными в небо острыми башнями, огромные витражные окна и мрачные цветовые оттенки, среди которых темно-серый смотрелся ярким пятнышком.

А еще в центре композиции имелась роскошная лестница с мраморными перилами и бежево-золотистой дорожкой на ступеньках. Прямо как в мексиканских сериалах времен моего выхода на пенсию. И, судя по жалким ошметкам памяти, а также слабым шевелениям герцога, нам надо было именно туда.

Кеннет, кстати, более-менее отдышался. Только синяя полоса поперек горла никуда не делась. Он все еще произвольно тер ее и мучительно сглатывал. Говорить по-прежнему не пытался. Но в целом глаза у мужика прояснились.

Будущий супруг вертел головой и поглядывал на меня... странно и совсем не влюбленно.

Что ж, понимаю. Ведь это я, то есть Оливия, мужика притопила, подтвердив, что именно в его спальне моргал, светил и звякал опасный артефакт, с помощью которого покушались на его величество Нортриджа Третьего, если верить оглашенному перед казнью обвинению. Только чему стоит

верить, а чему – нет, я пока не решила.

Мне вообще сложно представить, как надо из спальни ректора моргнуть и звякнуть, чтобы где-то в другом месте кого-то пришибло.

Ладно, это магия, я в ней ничего пока не понимаю. Зато в оплаченных подставах и следственных ошибках разбираюсь слишком хорошо. Но выяснять, кто прав и кто виноват, буду позже.

А вот Кеннету понять, кто я такая, хотелось именно сейчас. И мне было даже немного жаль бедолагу. Он-то еще не знает, что власть в теле Оливии сменилась!

Представляю, как у него сейчас шестеренки в голове скрипят. Сначала с моей помощью его подводят под петлю, потом из нее в последний момент вытаскивают. Я бы на его месте тоже сильно задумалась, что из себя представляет эта странная подружка племянницы. А теперь еще и почти жена.

Поднявшись по лестнице, мы оказались в широком коридоре, в который выходило множество белых двустворчатых дверей. Скорее всего, где-то за одной из них прятались покой хозяина. За которой?

Пока я растерянно стояла на последней ступеньке, машинально поддерживая герцога под руку, с его стороны вдруг послышался невнятный то ли хрип, то ли хмык. Я вздрогнула, повернулась, и мы уставились в глаза друг другу. Наступила неловкая пауза.

Точно, мне же полагается знать, где именно жамкал

и мыргал проклятый артефакт! Вот только возникает интересный вопрос: как меня занесло в спальню к мужчине?! Но вроде бы в воспоминаниях никакой эротики, лишь томление и страдание. Уф-ф!

Я уже открыла рот, чтобы сострить нечто на грани приличия и за этим нахальством скрыть свою неосведомленность. Спросить что-то вроде «к тебе или ко мне?». Однако где тогда спала Оливия, мне тоже неизвестно.

Но ничего такого я не успела. Снизу послышался грохот, скрежет и топот тяжелых сапог.

– Именем короля!

Глава 4

– Я вас слушаю, господа. – Герцога я оставила оплывать свечкой на верхней ступеньке, прислонив к перилам. Надеюсь, он догадается сесть, а не скатится по лестнице под ноги гостям, даже если у него подкосятся колени. На дурака ректор не похож.

– Вы, сударь... – начал было ворвавшийся в холл официального вида человек в золотых очках.

– Оливия Рокруа. С кем имею честь? – Я вежливо склонила голову, напряженно наблюдая за очкастым бюрократом. За ним следом в дом ввалилось сразу с десяток гвардейского вида товарищей, и, честно говоря, сердце у меня на мгновение замерло. Вдруг сейчас все отменят, схватят Кеннета и утащат обратно на площадь, казнить?

– Чрезвычайный уполномоченный королевской канцелярии Далтон Бонд, – уверенно блеснул очками мужчина. – Итак, сударь. Я требую объяснений.

Сударь? Где он сударя нашел?

Но, услышав скрип лестницы за спиной, сообразила, с кем, игнорируя мое присутствие, он ведет беседу. Кен не стал сидеть на ступеньках, а спустился вслед за мной. И теперь стоял, гордо выпрямившись, но при этом вцепившись в перила так, что костяшки пальцев побелели.

– Прошу прощения, господин Бонд. – Поскольку говорить

Кеннет не мог, я сделала еще шаг вперед, чтобы меня точно заметили. – У господина Майбара некоторые затруднения с голосом, надеюсь, вы простите ему маленькую невежливость. Итак. Что вы хотели?

– Госпожа Рокруа намерена представлять интересы лорда Оттона Гемса? – после недолгой паузы спросил чрезвычайный уполномоченный, осуждающе поджав губы.

– Намерена. – Я кивнула.

– Значит, ваше заявление о том, что вы берете этого мужчину в мужья, не является спонтанным?

– Не является. – В какой-то мере ситуация начинала забавлять. Точнее, не так. Было бы забавно, если бы я всем своим существом не чуяла опасность.

– В таком случае вы должны понимать, что отныне несете бремя ответственности не только за имущество, долги и обязательства данного господина, но и за его последующие действия!

Кажется, меня пытаются напугать?

В прелестной головке моей предшественницы не было юридических тонкостей внезапной женитьбы. Она просто знала, что капля королевской крови дает ей право забрать осужденного с эшафота.

Но вряд ли обычай появился бы и стал законом, если бы таких внезапных невест казнили сразу после свадьбы вместе с преступниками.

Скорее всего, бюрократ в очках намекает на то, что меня

повесят вместе с герцогом, если тот еще раз проштрафится. Похоже, все-таки придется выяснять, кто же на самом деле покушался на короля, мой будущий муж или некто другой? И как держать Кена на коротком поводке, чтобы не угодить на эшафот.

– Я понимаю, спасибо. У вас все, господин Бонд?

– Оливия! – В холле появился новый человек. И даже не один. – Оливия, детка, не делай этого! А как же Джонас?!

Киноаппарат в голове закрипел и рывком сдвинулся на несколько кадров.

Винсент Рокруа, старший брат Оливии. Добрый полноватый увалень, тихий и домашний. Любит жену, детей и младшую сестру. Приютил ее после смерти родителей и хорошо о ней заботился. Служит в королевской библиотеке.

Фанни Рокруа, его жена. Тоже милая, тоже кругленькая, но ни разу не тихая блондинка, мать троих оборотов и сорви-голов, теперь моих племянников. Могла бы стать подружкой Оливии, если бы у нее было хоть пять минут свободного времени.

И наконец Джонас. Такого человека в холле не было, но его имя тоже вызвало ряд воспоминаний.

Друг детства Оливии и ее самоназначенный жених. Поскольку девушка знала его давно и даже питала некую привязанность, то против звания невесты не возражала. Ровно до роковой встречи с господином ректором Большой королевской академии.

– Оливия, детка, – брат с удивительной для его характера решимостью отстранил господина Бонда и буквально кинулся ко мне. Схватил за руки, заглянул в глаза, – ну зачем ты, глупенькая? Мы бы справились, я бы что-нибудь придумал! Зачем губить себя? Никакие деньги того не стоят, маленькая!

У меня едва челюсть не отвалилась. О чем это он? И почему Фанни кивает в такт каждому слову, а смотрит с горестью и признательностью подобранного из лужи щенка? Где еще киноплёнку заклинило, я хочу знать, как ее перезарядить!

Едва слышный кашель за спиной дал понять, что господин ректор как раз что-то там понял. Я оглянулась и обнаружила, что он теперь смотрит на меня с легкой брезгливостью и презрением. Ну здрасьте, приехали! Оливия, мать твою, где ты там потерялась в недрах моего разума, сейчас же объяснись!

– Ну что же, сударыня, я надеюсь, слова ваших ближайших родственников прояснили ситуацию? – вкрадчиво заметил очкастый Бонд. – Вы даже можете получить компенсацию за моральный ущерб... – тут он сделал многозначительную паузу и как-то странно улыбнулся, – если правильно и вовремя подадите прошение в благотворительный комитет на имя ее королевского величества.

Пока он все это говорил, стражники за его спиной странно перестраивались, изображая то ли свинью из псов-рыцарей, то ли фалангу из отороженных македонцев. А еще они отчетливо позвякивали. Чем?! Цепями, что ли?

Хотят наброситься на Кеннета и заковать в железо? Или сразу придушат, чтобы больше ни одна чокнутая девица не помешала?

– Благодарю, господин Бонд, – достаточно сухо оборвала я самодовольного чиновника. – Мое решение остается неизменным. Я беру этого мужчину в мужья.

Фанни тихо всхлипнула, брат отпустил мои руки и даже отступил на полшага, горестно глядя мне в глаза. Мне еще пришлось успокаивающе кивнуть, чтобы они сильно не переживали.

Еще бы меня саму кто-то успокоил! Память заклинило, а у родственников такие лица, будто я иду замуж за Синюю Бороду. Может, господин ректор славится тем, что ест молодых жен на обед? У него настолько дурная репутация? Или все из-за покушения на короля? Ладно, при мне Кен покушаться ни на кого не станет, уж я найду способ проследить.

Физиономия у господина очкастого стала такая, словно он откусил от тухлого лимона. А сзади послышался шумный выдох. Еще бы! Наверняка Кеннет уже приготовился второй раз за день повисеть в петле.

Похоже, все решили, что Оливия вышла замуж за висельника ради его денег. И если дать взятку из благотворительного фонда – продаст обузу с потрохами. Но я не продала, вот досада.

– В таком случае, сударыня, я вынужден принять чрез-

вычайные меры! – Господин Бонд обернулся к стражникам и подал непонятный знак рукой.

Глава 5

Я напряглась и прикинула: если поскользнуться на нижней ступеньке вовремя, то Кеннет успеет взбежать на второй этаж. Наверняка там есть окно. Сообразит, большой мальчик.

Нет, я не собиралась жертвовать жизнью ради мужика, которого едва знаю. Но вряд ли бедную хрупкую девушку, упавшую от испуга, будут убивать. А упасть, особенно если правильно, мне было не трудно.

Просто к сомнениям Оливии о виновности Кена добавились и мои собственные. Поэтому никаких повторных повешений!

– Я должен вручить вам опись имущества герцога Оттона Гемса и провести брачную церемонию немедленно! – В глазах Далтона сверкала ненависть, не скрываемая даже очками. – Если вы рассчитывали, сударь, таким образом потянуть время и сбежать, у вас ничего не выйдет.

Уф-ф! Это он не мне такую рожу скорчил, а герцогу.

Хм... Надеется, что Кен испугается и не распишется в книге отзывов и предложений? Тьфу ты... в том фолианте записи гражданских состояний, который ткнул нам под нос очкастый чиновник?

Так, а мне почитать? Почему только Кеннету дали бумаги? Кто тут кого берет в мужья?

Но отнимать у герцога папку я не стала – бедолага и так кашлял в нее настолько мучительно, что у него глаза кровью налились. Надеюсь, не от прочитанного? Хотя я уже ничему не удивлюсь.

Далтон Бонд не спускал с ускользящей добычи внимательного взгляда, словно только и ждал момента, когда герцог потеряет терпение, наплюет на все и швырнет бумаги гаду в рожу. Тогда его можно хватать и...

В воздухе витало и искрило от напряжения. И я, увлекшись, не сразу среагировала, когда Кен повернулся ко мне и пощелкал пальцами. Как дрессированной собачке! Вот свин! Хотя ладно, у него стресс. Но чего он хочет-то?

А!

– Будьте добры, перо и чернила, – перевела я его пантомиму, обращаясь к чиновнику.

– То есть вы готовы это подписать?! – Кажется, мистер Бонд был шокирован до глубины души. Да что ж там такое?!

Кеннет не удостоил его даже взглядом. Он смотрел только на меня. Гордо и презрительно, как революционер на вошь.

Получив в руки перо, уже заряженное чем-то зеленым и светящимся, герцог без малейших колебаний расписался. Два раза. А потом так же презрительно сунул мне и книгу, и папку с бумажками.

Так. Наконец-то. И что у нас тут?

Вот эти листочки похожи на опись имущества. Логично, что его пересчитали, вдруг получится конфисковать?

Или уполовинить на законных основаниях при передаче наследникам. Плавали, знаем.

Дальше что? Ага, брачный договор. Очень интересный.

Пробегая глазами пункт за пунктом, я не выдержала и тихонько хмыкнула. Вот в чем дело. Я не просто выхожу замуж. Я буквально беру в мужья. С приданым. Все имущество господина Майбара, герцога Оттона Гемса, переходит в мою собственность.

Хорошо хоть, сам муж в собственность не переходит. Но! Он будет считаться как бы под моей опекой. Пожизненно. Я буду обязана представлять его во всех официальных делах и инстанциях. Нести ответственность за его проступки. Одобрять сделки. Давать разрешение на работу...

И кто тут должен паниковать?! Здоровый, недружелюбно настроенный мужик и казнь в перспективе – если не услежу. Впору сразу вешаться.

Ладно, где наша не пропадала. Если я с криминальными авторитетами справлялась, то уж с воспитанным герцогом как-нибудь договорюсь.

Надеюсь, у меня было такое же уверенное и гордое лицо, как у Кеннета, когда я подписывала и опись имущества, и согласие на взятие мужа под опеку.

Судя по некоторой корявости последнего текста, его на скорую руку переделывали из другого брачного договора. Уверена, что в том речь шла о передаче под опеку женщины. Вот мужиков и корежит, каждого по-своему.

Даже гвардейцы на Кена косятся кто с сочувствием, кто с презрением. Можно подумать, сами бы предпочли смерть такому позору! Обо мне, вернее об Оливии, переживает только моя семья и, как ни странно, мистер Бонд.

– Освящение брака богами проведете сами, – вздохнул он, забирая у меня книгу регистрации гражданских состояний, как я обозвала этот фолиант про себя. – Брачный договор остается у вас на руках, а копию я отнесу в королевскую канцелярию. Сверять имущество по описи будете?

Я бросила быстрый взгляд на герцога. Он лишь нахмурился, закусил нижнюю губу и крепко, до побелевших костяшек, вцепился в перила. Бедолага, едва же на ногах стоит! Ему бы лечь, выпить чего-нибудь теплого, ванну принять... И надеюсь, не мне придется всем этим заниматься? Мне бы самой чего-нибудь выпить, желательно покрепче.

– Сверять ничего не будем, благодарю. Но я хотела бы знать, где находятся слуги его светлости.

Господин Бонд сморщился от этого вопроса, как будто я ему предложила все зубы без наркоза выдернуть. Но как раз через те самые невыдернутые зубы процедил:

– Вся прислуга была задержана как свидетели и потенциальные пособники подозреваемого. Невинных рассчитали и отпустили.

Ясно. Скорее всего, отпущенные драпанули куда-нибудь в глухомань, чтобы отсидеться там, пока все не забудется.

Я бы сама года два в столицу носа не высывала. Тут вон

герцога мучительно и медленно вешали на площади. А с простонародьем, небось, еще меньше церемонились. Надеюсь, никого не отправили на плаху просто потому, что они служили бунтовщику.

Зато нам теперь придется новых людей искать. Прислуживать покусившемуся на короля желающим будет очень мало, даже за повышенное жалованье. Ладно, разберусь.

– Прошу прощения, – вдруг подал голос брат Оливии. – Когда мы сюда шли, у центральных ворот стояла какая-то пожилая пара. Может быть, это кто-то из слуг господина Майбара?

Герцог, все это время с мрачным видом растирающий горло, требовательно взглянул на меня. Одновременно он едва заметно склонил голову, пытаясь изобразить намек на просьбу, не иначе.

– Если не сложно, пригласи этих людей сюда, пожалуйста, – улыбнулась я Винсенту.

Он, похоже, смирился, что его сестра вышла замуж за страшного преступника, и без возражений вышел.

Фанни присела на крохотный диванчик между двумя окнами и затихла там мышкой. Судя по мелькающим у меня в голове воспоминаниям Оливии, такое поведение ей вовсе не свойственно. Но она наверняка в шоке от случившегося. Поэтому молчит, приходит в себя и думает. Надо обязательно с ней подружиться. Умная и надежная союзница мне не помешает.

Винсент вернулся довольно быстро. Пришедший с ним пожилой мужчина с военной выправкой и густыми моржовыми усами действительно оказался мажордомом господина Майбара. А его жена, стройная до худобы женщина с ледяным взглядом, – экономкой, управляющей всем домашним хозяйством. И она не возражала побыть какое-то время горничной, пока не будут наняты новые слуги. А мажордом, тоже временно, готов был прислуживать герцогу как обычный лакей. К тому же Джоана когда-то очень вкусно готовила, так что несколько дней сможет прокормить четырех человек.

Все это пожилой морж, которого звали Ховард Симс, с достоинством сообщил нам с герцогом, напрочь игнорируя гвардейцев и господина Бонда.

На меня пожилая пара поглядывала настороженно. Но по этому поводу не переживала. Открытой враждебности нет – и хорошо. Кухарка и лакей – еще лучше. Званых вечеров не планируется, но обед по расписанию желателен каждый день.

– Что-то еще, господа? – любезно спросила я недовольно шевелящего бровями Бонда. – Господин Майбар устал и плохо себя чувствует. Если никто не против, Ховард, пожалуйста, отведите хозяина в его покои.

Мажордом с готовностью кивнул, и они вместе с Джоаной, подхватив герцога под руки, потащили его вверх по лестнице. Тот, может, и хотел бы остаться. Вот только сил сопротивляться у него не было. Последние пару минут бедолага

держался на ногах из чистого упрямства.

Все трое уже скрылись за лестничным пролетом, когда я спохватилась: черт! А стоило ли оставлять моего недовисельника наедине с этими людьми? Вдруг они не просто так вернулись в дом и вообще имеют отношение к заговору? Только не против короля, а против своего хозяина?

– Итак, господин Бонд?

– Герцогиня, – кисло поклонился тот. – Напоминаю, что закрепить брак в храме вы обязаны в течение тридцати дней. И сразу же консумировать. Иначе все это, – он сделал неопределенный знак рукой, – будет расцениваться как попытка помешать правосудию. С соответствующими последствиями. Позвольте откланяться.

Глава 6

– Винсент, извини, что заставила волноваться. – Едва господин Бонд со товарищи удалились, я переключилась на родню Оливии.

Как бы цинично ни звучало, но пока они мой единственный более-менее предсказуемый ресурс. Стоит поддерживать с ними отношения и узнать поближе.

– Это было хоть и спонтанное, но осознанное решение. Так что вы можете спокойно вернуться домой. А мне нужно наверх, ну, вы понимаете... – И я сделала неопределенный знак рукой.

– Мы подождем, пока ты позаботишься о своем муже.

В памяти Оливии ее брат был покладистым и добродушным человеком, но сейчас и по выражению лица, и по голосу, и по тому, как он выделил слово «муж», чувствовалось – не уйдет. И Фанни останется с ним.

– Лучше дай мне бумаги. Все равно ведь ничего в них не поняла. – Вот теперь Винсент улыбнулся, как и полагается заботливому старшему брату, мягко и снисходительно. – Я еще раз внимательно все прочту. Раз ты в это ввязалась, должна знать свои права и обязанности.

Память Оливии выдала еще кусочек из прошлого. Винсент Рокруа был не только очень добрым человеком. Но и весьма умным, начитанным и внимательным. Логично, ведь

кого попало не возьмут на службу в королевскую библиотеку. Поэтому его идея с бумагами – как нельзя кстати.

Вручив брату папку с брачным договором и описью имущества, я мимолетно улыбнулась Фанни и поспешила наверх.

Уже у самой двери в покои господина Майбара, когда я взялась за бронзовую ручку в виде затейливой ветви, меня снова нагнало чужое воспоминание. Причем на этот раз такое яркое и живое, что пришлось схватиться еще и за стену, чтобы не упасть и не провалиться в прошлое. Сейчас это было яркое красочное кино, а не альбом с полузабытыми фотографиями, промелькнувшими у меня перед глазами на площади.

«Лив, да ты просто трусишь! Ты же хотела посмотреть? Хотела же? Хотела? А теперь что? Как всегда, сбежишь в последний момент?!»

Голосок у «подружки» Оливии оказался на редкость пронзительный, хотя и мелодичный. Но провоцировала она уж слишком прямо, по-детски, «на слабо». Впрочем, пробежавшись по краю воспоминаний, я поняла, что это ее обычное поведение.

Оливия была при ней не только как «страшненькая подруга для контраста», но и как подушечка для ядовитых иголок. Моя бедная предшественница и злилась, и даже плакала, но поставить на место эту козу не могла.

К тому же Селестина не всегда была врединой. Иногда она

могла по-настоящему помочь, поддержать, с ней можно было весело провести время.

В тот жуткий вечер Лив злилась, волновалась – и да, очень хотела заглянуть в спальню господина ректора. Для чего – сама не смогла бы объяснить. Просто... ну просто посмотреть, как там. Как он живет. Его вещи. Личные, скрытые от чужих глаз. Это нехорошо, это гадко, но соблазнительно до дрожи в руках. Только без подначивания Селестины Оливия бы никогда не решилась.

Я мотнула головой и открыла дверь в покои мужа. За ней оказалась небольшая гостиная, дальше, наверное, спальня, потом гардеробная. Целая анфилада комнат.

В ту ночь девушки тоже сначала попали сюда. Вот интересно... Оливию нарочно заманили или все вышло случайно?

«О боги! Ты видела?! Видела?! Вот это? Это что?! Разве не родовой артефакт дяди?» – голос Селестины звучал словно наяву.

Хм-хм-хм... А когда та начала верещать, дергать подружку за руку, а потом вытащила из покоев герцога едва ли не волоком, Оливия окончательно растерялась.

Какой артефакт? Что мигало? Мигало же? Вроде бы... Кажется...

Окончательно дезориентировал девушку сам герцог, взмыленным жеребцом прискакавший по коридору откуда-то из другой части дома. Он сначала попытался просто

выпинать племянницу с подружкой подальше, потом накинулся на них, требуя объяснить, что они вообще тут делают!

А довершила кошмар королевская гвардия, вломившаяся в дом посреди бедлама. Не иначе как телепортировались прямо к воротам. Интересно, кто их впустил? Хотя отказывать гвардейцам при исполнении опасно, это же практически местная полиция. Или даже круче.

Кена схватили и скрутили, не дав сказать ни слова, а на девчонок насел седобородый мужчина, назвавшийся старшим королевским дознавателем.

Оливия сначала даже не поняла, в чем обвиняют хозяина дома. Селестина взахлеб рассказывала, как именно мигало, звенело, светилось и сияло нечто, похожее на дядин родовой артефакт, то и дело дергая подругу: «Олив, скажи! Моргало же? Ты видела? Ты же первая и заметила! Да?»

Перепуганная дурочка замороченно кивала. Ей уже и самой казалось, что да, все так и было. Моргало. Светилось. И это был родовой артефакт герцога Оттона Гемса.

Вот откуда ей было знать про артефакт? Она до этого вечера в глаза его не видела, лишь слышала краем уха. Все-таки старинная редкая реликвия, как о таком – и не знать?

Но бесконечное повторение одного и того же сделало свое дело. Оливия не только подтвердила слова подруги, но даже подписала все подsunутые ей дознавателем бумаги.

Все это – классика того, как не надо допрашивать свидетелей. Или здешние дознаватели идиоты-неучи, в чем я со-

мневаюсь, или все было сделано нарочно.

Теперь даже и не узнать, почему сработал родовой артефакт. Кто его запустил? Герцог? Когда? Из кабинета? Тогда зачем примчался? Проверять?

В воспоминаниях Оливии Кен выглядел рассерженным, а вот я, проанализировав мелькающие у меня в голове кадры, решила бы, что он скорее удивлен, напряжен и даже слегка напуган. Так что в герцога как пусковой механизм верилось с трудом.

Неодобрительно хмыкнув, я прошла в комнату и огляделась. Вспомнила первый допрос и все последующие. Так...

Судя по расположению пыли, покрывающей полку, вот тут стояло что-то с круглым дном. Возможно, пресловутый артефакт.

Но от входной двери, там, где была Оливия, увидеть его невозможно, разве что заметить слабое свечение из щелей загораживающего полку шкафа. Если судить по мелькающим в памяти кадрам, был все же тусклый желтый свет, как от лампы.

Зато Селестина могла разглядеть отражение артефакта в зеркале, висящем на двери шкафа. Узнать бы, что она действительно видела, что ей померещилось, а что нагло выдумала.

И почитать про этот таинственный артефакт и его возможности не помешает. Но тут-то все просто, Винсент поможет достать нужные книги.

Мои размышления прервало появление Ховарда. Он вышел из спрятанной за драпировкой двери, за которой, как я поняла, была спальня герцога. Внимательно осмотрел меня с ног до головы и только потом с достоинством доложил:

– Господин Кеннет принял ванну, переоделся и лег в постель. Если госпожа позволит, я бы хотел дать вам совет относительно здоровья господина.

Я молча кивнула.

Ховард с готовностью продолжил:

– Господину требуется осмотр врача, но семейный лекарь Майбаров вряд ли приедет на вызов. Репутации его светлости был нанесен серьезный урон. Приглашать в дом посторонних без рекомендаций я бы не советовал.

– И что же тогда делать? – У Ховарда явно были какие-то идеи, но ему требовалось подтверждение, что мне не безразлична судьба мужа.

– Если это возможно, следует послать за господином Де Баром. Он – наша последняя надежда.

И уставился на меня так, словно я должна была понять, что к чему, сорваться с места и побежать звать нашу надежду. Вот только мне не удавалось вспомнить никакого господина Бара, как я ни старалась. Поэтому в свою очередь уставилась на мажордома, ожидая объяснений.

– Господин Де Бар – близкий друг хозяина Кеннета, – тяжело вздохнул Ховард. – Он преподает анатомию и физиологию в академии. Конечно, лекарской практики у него нет, но...

– Поняла, – перебила я слугу, стремительно разворачиваясь к двери. – Надеюсь, брат сумеет с ним договориться!

По тому, как вздохнул за спиной Ховард, было понятно, что он тоже на это надеется.

Уже слетая вниз по лестнице, я подумала, что преподаватель анатомии и вправду мог быть только последней надеждой и сильно рассчитывать на него не стоило, но врач Кену необходим, тут не поспоришь.

Глава 7

Винсент уехал, обещав привезти Де Бара, даже если тот будет сопротивляться. Выглядел брат решительно, так что я очень рассчитывала на успех миссии.

А его жена вызвалась помочь Джоане на кухне – там все было разгромлено во время обысков и описи имущества. Непонятно, что именно королевская гвардия искала в горшках и сковородках, но сейчас это не имело значения.

Поблагодарив Фанни, я снова поднялась на второй этаж. Хотелось поговорить с Кеннетом, раз он немного пришел в себя. Если даже не сможет отвечать, так хоть выслушает.

В спальне горел всего один светильник. Скорее всего, магический, так как для свечи огонек был слишком ровный и неподвижный. Желтовато-оранжевые отблески лежали на атласном постельном белье, среди которого и затерялся господин Майбар.

Впрочем, расслабленным он не выглядел, хоть и возлежал в груди подушек. Сверкал на меня из постельных недр глазами, как настороженный кот, и чуть слышно покашливал. Горло было перевязано – Ховард соорудил что-то вроде компресса.

Я сначала не поняла, что мне в его позе не нравится. А потом едва не хлопнула себя по лбу. Склеротичка старая! У него же следы от кнута на спине, да и другие пытки

наверняка применялись. Вон, ссадины от кандалов прячет под манжеты ночной рубашки.

– Кеннет? – Я остановилась у изножья кровати и чуть склонила голову к плечу, разглядывая мужа. – Как вы себя чувствуете?

Судя по суровому взгляду, относительно виселицы все же было неплохо. Вот только сглотнул Кен все равно произвольно и явно болезненно. И поерзал.

– Если вам слишком трудно разговаривать, просто кивайте, – предложила я, огляделась и нашла стул у окна. Переставила его ближе к постели и устроилась с удобствами. – Нам с вами надо решить, как будем жить дальше. Сразу предупреждаю: строить из себя невинность не собираюсь. Вы мне были нужны, я вас получила.

Кен презрительно прищурился и фыркнул, словно кот. Злой раненый кот.

– И собираюсь пользоваться вашими деньгами и вашим титулом. – Я замолчала, давая ему переварить сказанное. Лишь потом добавила: – В том числе и для того, чтобы разобраться в том безобразии, которое устроили неизвестные личности.

У герцога на лице большими буквами было написано напряженное ожидание пояснений, легкое недоумение и много-много подозрений. Думаю, если бы он сейчас мог спросить что-то вроде: «Ты кто такая, мать твою?!» – узнала бы много нового о здешней непечатной лингвистике.

Но я этот невысказанный вопрос проигнорировала. И задала свой:

– Мне надо знать одно: вы замешаны в покушении на... – тут пришлось срочно вспоминать, в чем именно обвиняли герцога, – на его величество или вас подставили?

Мужчина гордо хмыкнул, мотнул головой и закатил глаза к небу. Пантомима вышла вполне выразительная и понятная: бедолага устал доказывать, что он не верблюд. Даже если на самом деле замешан и виновен.

Но чем дальше, тем яснее мне становилось, что это все одна большая подстава.

– Я вам верю. И рассчитываю на вашу помощь и доверие. В пределах разумного, конечно. В свою очередь, обещаю сделать все, что в моих силах, чтобы снять с вас обвинение. Мне не доставляет удовольствия быть женой государственного преступника.

Герцог скептически поджал губы, долго пристально смотрел мне в глаза, потом вздохнул...

– Кеннет! – Дверь в спальню распахнулась так стремительно, что ударилась о стену. – Живой?!

На пороге воздвигнулся худющий и длиннющий парень в сером клетчатом костюме и странных очках – тонкая золотая оправка, цепочка за уши, одно стекло прозрачное, другое непроницаемо-черное. На голове у него красовался потрясающий цилиндр, графитово-глянцевый, инкрустированный шестеренками из миниатюрных человеческих костей.

Больше всего друг Кена был похож на стимпанковского Паганеля. И прибор, что он выхватил из кармана, тоже смахивал на магомеханическую помесь бинокля и стетоскопа.

На меня он даже не глянул, с порога рванул через всю комнату к кровати и вцепился в болящего обеими руками. Словно хотел пощупать – действительно тот материален или только приснился?

Герцог на него закашлялся, причем так экспрессивно, что Де Бар почти мгновенно опомнился.

– Да-да, друг мой! – торопливо сверкнул он черным стеклом в очках и протер его неизвестно откуда вытащенной замшевой тряпочкой. – Сейчас. Сейчас... Сей... С-с-с... скоты!

Как интересно. На зря я заподозрила, что его окуляры вообще не просты. Кажется, черное стекло – что-то вроде местного рентгена. Потому что «Паганель» в цилиндре прищурил тот глаз, который был за прозрачным стеклом, и сканировал лежащего Кена непрозрачным. И ругался. Здорово ругался, наш человек!

Только муж, поморщившись, дотянулся и дернул друга за пиджак. А потом повел подбородком в мою сторону, напоминая, что мужчины в комнате не одни.

– Ах да, – опомнился Де Бар. Надо, кстати, узнать, как его имя. – Простите, сударыня. Вы ведь...

– С сегодняшнего дня герцогиня Майбар, – кивнула я. – Не буду вам мешать, господа. Посижу за ширмой, вдруг вам понадобится помощь.

И сама скользнула за расписной шелк – зачем в спальне герцога притаилась эта красивая штукавина явно в азиатском стиле, неизвестно, но сейчас пригодилась. Я подвинула ее к окну, туда же отправился стул. Совсем выходить из комнаты мне не хотелось. Что-то удерживало.

Мужчины как-то странно переглянулись, пока я двигала мебель. Только после этого до меня вдруг дошло: не стоило делать это самой. Наверняка нежная леди из здешних аристократов будет ждать, пока все удобства ей обеспечат кавалеры. А я по старой привычке самостоятельность проявляю... ну да ладно, поздно об этом жалеть.

Сначала за ширмой, где остались мужчины, было слышно только сиплое дыхание герцога и какие-то невнятные хмычки и мычания его друга. Потом последний вдруг натурально зарычал.

Я не выдержала. Ширма была сделана из резных деревянных рам, затянутых расписным шелком и соединенных медными петлями. Щели между рамами были в волос, но через них все равно можно подглядывать.

Неспортивно? Я старая любопытная бабка с опытом следователя. Мне все можно.

Тем более если этот, как его... о, вспомнила имя! Оливия о нем слышала. Гаспар Де Бар. Красиво и в рифму. Так вот, этот Гаспар рычит абсолютно по делу.

Потому что на теле Кена были следы не только от кнута, но и от других пыток. Например, большой ожог на животе,

сине-багровые полосы на руках от запястий до самых плеч. Это значит, Кена связывали и подвешивали на дыбе. Своло-
чи...

Глава 8

Что там особенно зверского Гаспар разглядел через свое стекло сильно ниже талии Кеннета, я уже высматривать не стала. У меня от размеров ожога сердце сжалось.

Все-таки не постороннего человека осматривают, а типа мужа. Мне с ним какое-то время вместе жить под одной крышей и, возможно, консультироваться. К тому же я терпеть не могла такие методы дознания. Это глупо и непрофессионально.

Гаспар между тем окончил осмотр, покосился на ширму и прикрыл пациента одеялом до пояса. Потом полез в саквояж, который принес с собой, и, пока там копался, начал негромко выдавать последние новости:

– Я прилетел только утром и сразу отправился в комитет дознания. Но пока громил канцелярских крыс, пришло известие, что казнь отменили. Причины никто не знал, и у всех было столько разных версий! – судя по смешку, Де Бар пытался пошутить. – Так что я вернулся к себе и закинул в свою сумку все, что могло пригодиться! Поэтому уже был полностью готов, когда ко мне ворвался господин Рокруа. Он так торопился, что даже воспользовался правом сотрудника королевской библиотеки на телепортацию!

Из услышанного я сделала сразу два вывода. У Оливии очень хороший и ответственный брат, но это и так было ясно.

А еще тут действительно есть телепортация. Правда, пользоваться ею могут не все, а только те, кто служит в королевских учреждениях.

– Да! Ты не переживай, вещи твои из академии я лично перевезу. – Гаспар плавно сменил тему со сбора собственной сумки к сумкам друга.

– М-м? – вопросительная интонация у Кена получилась очень выразительная. Он беспокойно ерзал в подушках, стараясь уместиться в них поудобнее. И тоже косился в сторону ширмы.

Я ее поставила очень продуманно: возле окна, но плотно зашторенного. А у изголовья кровати Де Бар зажег еще два светильника. Так что мне было прекрасно видно в мою щелочку, а мужчинам меня – нет.

Наверное, поэтому, когда я затихла, они не то чтобы забыли обо мне. Нет. Просто постепенно самую малость расслабились и начали разговаривать несколько свободнее.

А я пожалела, что не догадалась захватить сюда блокнот и карандаш. Очень полезная привычка была во время работы следователем. Пора к ней вернуться. Краткие тезисы, стрелочки по наитию, имена, даты... легче сразу записать, чем по двадцать раз переспрашивать.

– Сам понимаешь, Кеннет, тебя туда уже не пустят. Не теперь, когда ты не оправдан, а лишь помилован благодаря старому обычаю. Там уже новый ректор свои порядки наводит и, кстати, нормально справляется. Я ожидал худшего.

Кашель и недовольное хмыканье из подушек стали громче. И это никак не относилось к голубым и зеленым лучам, которыми Гаспар облучал ожог из какой-то трубки. Хотя это было явно больно, потому что Кен вздрагивал и морщился. Но все равно старался сосредоточиться на разговоре.

И Де Бар с готовностью этот разговор поддерживал, отчасти ради того, чтобы отвлечь пациента от неприятных ощущений. После облучения пришел черед каких-то мазей, шипевших на коже и тоже заметно неприятных.

– Да ты с этим господином несколько раз встречался, он был заместителем ректора в нашем филиале в Артреджи. Лысоватый такой, похож на печального гоблина с западных болот. Но администратор толковый.

Ага. Значит, в этом мире есть гоблины. И западные болота. Когда доберусь до собственной комнаты (ее еще надо организовать себе в этом доме), обязательно все запишу куда-нибудь.

– Твоего заместителя из академии убрали, как и того новенького парнишку с кафедры артефакторики. Вы в последнее время слишком много времени проводили вместе. К тому же эти двое громче всех выступали в твою защиту. Но с ними все в порядке, – тут же успокоил Де Бар разволновавшегося Кена. – Уехали на время из столицы, отсидятся немного, пока шумиха не уляжется, отдохнут. Ты вот тоже все в отпуск хотел, ну и наслаждайся теперь. – Гаспар закончил обрабатывать все следы от пыток, даже те, что прятались

под одеялом. И старательно переводил тему.

Подмигнув, он демонстративно покосился на мою ширму:

– Молодая жена, медовый месяц. Где ты раньше эту красавицу прятал?

В ответ из подушек так сердито зашипели, словно там поселился целый прайд злощих камышовых котов. Правда, Де Бар не впечатлился:

– Что значит «не знаешь»? Сам не знаешь? Да ты, Кеннет, везунчик! К тебе даже на виселице женщины пристают! Ладно, молчу-молчу. А чтобы голос вернулся, тебе надо вот эту настойку принимать по чайной ложке три раза сегодня и завтра, будешь как новенький! – Тут Гаспар снова стал серьезен и еще раз пощупал горло друга. – Повезло, что только мягкие ткани травмированы.

В этом я была согласна с доктором. Если бы мое попадание задержалось еще хоть на минуту, герцогу пришлось бы гораздо хуже. Как вовремя я, однако, померла.

– Кстати, невеста наследника поспешно покинула нашу страну, хотя свадьба была назначена на следующий месяц. Это подтверждает слухи, что с принцем что-то произошло.

Я наострила уши, а Кен на подушках вскинулся и тут же рухнул обратно, застонав сквозь зубы. Почему он не может сесть нормально? Местные извращенцы от следствия его и по заднице кнутом приложили? Сволочи.

Но реакция красноречивая. Запомним. Конечно, ничего по-настоящему секретного эти двое не скажут. Но я-то вооб-

ще ничего не знаю, мне все полезно. Например, то, что на лице предполагаемого заговорщика явственно проступило досадливое выражение. Даже рука дернулась, будто он хотел по лбу себя стукнуть, но сдержался.

– Я насторожился, еще когда узнал о казни. Его высочество никогда бы не допустил подобного без неоспоримых доказательств. – Де Бар, сначала спокойно рассуждающий вслух в присутствии умного слушателя, начал потихоньку кипятиться. – Да это вообще полный абсурд, обвинять тебя в заговоре против короля! Тем более неудачном!

Гаспар нервно рассмеялся. Опять посмотрел в сторону ширмы. Решительно потрянул головой и продолжил:

– Где ты, а где заговоры! Тебе на личную жизнь внимания не хватало, ты был женат на работе – и тут вдруг нашел свободное время, чтобы свергнуть покровителя своего отца? Зачем?!

Герцог нафыркал на него из кровати и так красноречиво развел руками, что его друг буквально забулькал от возмущения.

– Чтобы возвести на трон и так официального наследника? – с сарказмом усмехнулся он. – Или ты внезапно встал на сторону королевы и ее сына? – судя по презрению в голосе, подобное предположение было верхом абсурда. – Какие у них доказательства твоего участия?

Гладко стелет. Интересно, этот спич предназначен вселенной или конкретно мне? Ну, типа как подтверждение неви-

новности Кена?

Про доказательства герцог промолчал, и Гаспар вернулся к лечению:

– Ладно, мазь на ожоге впиталась. Снимай штаны.

– М-м-м?! – вытаращился из подушек Кен.

– Надо обязательно удалить клеймо, – вздохнул Гаспар. –

И остальное... ну... ты, в конце концов, теперь женатый человек.

Даже я за своей ширмой слегка оторопела. Что он имеет в виду? И что за поползновения такие, на которые Кеннет реагирует сердитым рыком явно матерного характера?

– Не веди себя как девственник в публичном доме! – сердито отчитал его Гаспар. – Чего я там не видел? Ты хоть понимаешь, что клеймо обязательно воспалится? Тебе еще наследников делать!

Ну ни хрена себе! Тут что, преступников клеймят... там?! Ненормальные! Зачем?!

Даже если этот мужик в самом деле тайно пытался укокошить своего короля, так издеваться над ним – перебор. Башку оттяпать – понимаю. Даже повесить. Медленно, как Кена, – более-менее объяснимо. Но вот это?!

Подробностей я, конечно, не видела. Не то чтобы они могли меня шокировать. Но как-то некрасиво в первый день знакомства и при таких обстоятельствах любопытничать насчет конфигурации полового аппарата мужа. Да и подглядывать в щелку за процессом раздевания – несколько не по возрасту.

Тем более я и так все неплохо вижу. С тыла этот Кен очень даже хорош. Задница что надо. И хватит пока.

Де Бар что-то бормотал и не давал герцогу одеться. Но внезапно дверь затряслась от громкого стука. Я вздрогнула, мужчины тоже напряглись. Особенно после того, как раздался суровый голос Ховарда: «Стойте! Вам туда нельзя!»

Глава 9

– Леди, вашему дяде нужен покой! Леди, вы помешаете врачебному осмотру! Леди! Это просто неприлично! – Судя по всему, Ховард никак не мог подобрать правильный аргумент и просто стоял стеной на пути рвущегося в спальню источника беспокойства.

Не надо быть великим Шерлоком, чтобы понять: пожаловала Селестина. Тогда, на площади, она слишком растерялась, а я буквально ускользнула из ее рук и провернула все по-своему. Но прошло время. Наследница герцога опомнилась. Сама или получила инструкции? Неизвестно. Только теперь она рвалась в бой.

Ведь с моим появлением состояние дядюшки помахало ей ручкой и уплыло из-под носа. А она уже считала его своим, можно сказать, примеряла перед зеркалом.

Пока я об этом думала, герцог рывком натянул штаны на положенное место, нахрипел что-то на друга и нырнул в подушки. Де Бар и не пытался спорить с пациентом. Наоборот, еще и одеяло ему подоткнул.

Ну и я больше не стала прятаться за ширмой. Покашляла для порядка, отодвинула расписную створку и вышла из своего укрытия. Сама направилась к двери и приоткрыла ее.

– Ховард? Спасибо за заботу, вы можете пропустить леди Селестину.

Бывшая подружка Оливии вовсе не влетела в комнату бомбой, как я ожидала. И не бросилась к дяде, чтобы доказать свою преданность. Нет, она с порога схватила за руки именно меня:

– Лив! О боги, как ты меня напугала! С тобой все в порядке?!

Учитывая, что именно эта милая девушка укукошила мою предшественницу, такое поведение ввело меня в короткую оторопь. Ничего себе заявочки!

– Лив, я знала, знала, что ты задумала какую-то ужасную глупость! – продолжала Селестина, не обращая внимания на молча переглянувшихся мужчин. – Я же видела, что ты ищешь в книгах! Прости, но я должна была тебя остановить!

Так. Так. Погодите.

То есть это она так пыталась убереечь подругу, а не свое наследство? Моя циничная душа старого следователя передрнулась от недоверия. Но микроскопический шанс на подобное развитие событий имеется.

– Селестина, ты...

– Лив, одумайся! Ты погубишь себя! Связаться с государственным преступником! Ты соображаешь, что творишь?!

– Кхм-кхм! – напомнил о своем присутствии Де Бар. – Леди, вам не кажется, что сейчас не самый лучший момент для таких излияний? Учитывая состояние вашего дяди.

– Простите. – Селестина действительно опомнилась. Но ответила довольно сухо и дяде с его другом кивнула тоже

без особого энтузиазма. А ведь память Оливии всюю показывала мне отрывки прежней жизни, где эта милая девочка буквально обожала дядюшку, подала его преданным взглядом и старалась предугадывать все его желания.

– Простите, – еще раз повторила Селестина. – Но сейчас меня больше волнует моя подруга. Что касается дяди... Мне жаль. Но никто не заставлял его покушаться на короля.

Мужчины переглянулись. Де Бар выразительно поднял глаза к потолку. Герцог молча покачал головой. Вся эта пантомима происходила в полной тишине и оттого смотрелась еще более внушительно.

– Лив? – после паузы потербила меня Селестина. – Лив, ну скажи хоть что-нибудь! С тобой точно все... Может, надо показать тебя королевскому менталисту?

Еще чего не хватало! А вдруг он найдет пришлицу в теле королевской подданной и нас за компанию с Кеном тут же упрячут по отдельным гробам, чтоб неповадно было?

– Со мной все в порядке, спасибо, – сказала я спокойно и чуть прохладно. – Ты зря беспокоилась. И зря, – тут я сделала многозначительную паузу, – решила, что можешь действовать подобными методами.

Какими именно, я уточнять не стала. Селестина сама знает, вон, даже изобразила покаянное смущение. А мужики, думаю, догадаются. Переглянулись уж больно понимающе.

– Мне так жаль, – похоже, это слово скоро набьет мне оскомину. – Дядя, от вас я не ожидала. Но рада, что вы оста-

лись живы. Вам невероятно повезло, что вы богаты, вы герцог, вы молоды и привлекательны. И вас все любят.

И замолчала, маленькая змеючка. Ничего такого не сказала, просто констатировала факт. Тонкий намек на толстые обстоятельства. Даже то, в каком порядке она произнесла достоинства Кеннета, было не просто так. Богат, герцог, молод, красив. Всеми любим. Ну да, ну да.

Кен из подушек что-то прокашлял. Селестина тут же вздохнула:

– Не переживайте, дядя. Я уже сняла номер в гостинице. Не смею обременять вас собой после всего, что случилось. Но хотела бы иметь возможность видеть подругу.

Герцог закашлялся сильнее, даже покраснел. И махнул на племянницу рукой. Что должен был означать этот жест, было в целом понятно. Особенно когда он повернулся ко мне и вопросительно моргнул.

– Какие глупости! Даже не думай. – Я скрыла усмешку. Держи друга близко, а врага еще ближе. – Ты же теперь и моя родственница. – Да, я еще не уверена, насколько эта девушка друг или враг, но тем более не стоит отпускать ее бегать без присмотра по городу. – Так что можешь оставаться в этом доме сколько захочешь!

– Спасибо, Лив. – Подруга едва заметно поджала губы. Если бы я в этот момент внимательно на нее не смотрела, не заметила бы этой гримасы. – Я очень беспокоюсь за тебя и твою семью. Ты так мечтала учиться в академии. А твой

брат приложил столько усилий, чтобы получить место в королевской библиотеке. И теперь все это может пойти прахом.

– Кхм-кхм! – не выдержал Гаспар. – Леди, я настоятельно советую не волновать моего пациента и покинуть его комнаты. Ему сейчас необходимо поспать. И не забудьте про лекарства.

Последнее он сказал куда-то в пространство между мной и застывшим в дверях Ховардом. То есть, если я правильно поняла, оплатить лекарства нужно мне, а давать по расписанию будет дворецкий.

Понять бы еще, как именно я буду распоряжаться деньгами Кеннета. Надо вынуть из сейфа мешок налички? Найти чековую книжку? Написать расписку аптекарю? Как? Оливия знала только о монетах, которыми выплачивалось жалованье ее брату. Но она же смутно представляла себе, что у богатых и знатных все устроено иначе.

Тут я сообразила наконец, что раз Оливия этого не знала, то и мое невежество не будет выглядеть подозрительным. И выжидательно уставилась на герцога.

Как ни странно, на помощь пришла Селестина:

– Наличные деньги из дома дяди наверняка конфисковала служба дознания. Они должны были вернуть их под расписку. На первое время должно хватить. А в дальнейшем придется обратиться в банк.

– Мне ничего не возвращали, – нахмурилась я.

– Тогда надо съездить в их управление и спросить!

Не знаю, почему так оживилась Селестина, но мне это не понравилось.

А она развивала успех:

– Я поеду с тобой! Иначе места себе не найду от беспокойства!

Глава 10

Вот уж с кем мне не хотелось никуда ехать, так это с Селестиной. В том, что она враг Оливии, я пока еще сомневаюсь. Зато в том, что не такая уж добрая подруга, как хочет показаться, – уверена.

Но она знала, в каком банке лежат деньги ее дяди, знала управляющего счетом, а еще – прекрасно была знакома со следователем, который вел дело герцога. И заявила, что, если мы появимся в канцелярии дознавателей вместе, нам не придется ждать в общей очереди.

Кроме того, у меня не было причины резко отказать. Личная неприязнь – как-то уж слишком непрофессионально. А вдруг в дороге эта девица выболтает что-нибудь интересное?

Так что я оставила Кеннета на попечении Гаспара и Ховарда, заодно выяснив, что чета Рокруа уехала к себе домой, предупредив Джоану. Бумаги мои Винс забрал с собой, чтобы спокойно с ними разобраться. Это замечательно, потому что я в местных законах пока ничего не понимаю и брату Оливии доверяю гораздо больше, чем ее подруге.

Жаль, что в местное отделение государственной безопасности нельзя съездить вместе с ним. Мне было бы спокойнее. А то я всю дорогу крутилась на пятой точке, активно предсказывающей неприятности. А мое мягкое место – луч-

ший вредноскоп.

Нас с Селестиной, тактично помалкивавшей во время поездки, действительно сразу проводили к следователю. Подсознательно я ждала кого-то вроде господина Бонда или похожего на него товарища. Но это оказался высоченный блондин с лицом и улыбкой голливудской звезды. У него был такой холодно-пронзительный взгляд, что у меня сразу замерзла спина.

Несмотря на лед в глазах, старший следователь оказался весьма вежливым и даже радушным. Сам придержал мне дверь, сам подвинул стул.

Судя по остаточным воспоминаниям, мы уже встречались раньше, но Оливия запомнила его очень смутно. Обидно, но она не помнила почти все, связанное с расследованием, то есть самое важное и интересное, настолько была погружена в собственные переживания.

– Проходите, сударыня, садитесь. Вы готовы признать, что ошиблись? Не переживайте, еще все можно исправить!

– Спасибо, сударь. – Я вежливо, хотя и несколько сухомерно улыбнулась. – Никаких ошибок. Мне просто нужно получить доступ к финансам моего супруга. И хотелось бы узнать, что стало с деньгами, конфискованными из его сейфа.

Вот так, прямо. Без хождений вокруг да около. И пусть считают меркантильной дрянью, в какой-то степени это мне даже на руку. Меньше будет подозрений насчет любых других мотивов.

– Кхм... – Кажется, моя циничная прямота озадачила даже господина следователя. Но он быстро взял себя в руки и участливо склонил голову к плечу: – Сейчас я вызову секретаря, он предоставит все отчеты. Но, сударыня, разве эти деньги стоят благополучия вашей семьи?

– Моей семьи? – Улыбка у меня стала еще более натянутой.

Однако, просто повторяя два последних слова собеседника в виде вопроса, можно успешно довести собеседника до белого каления и не выглядеть при этом полной дурочкой.

– Ваш брат работает в королевской библиотеке? Не бойтесь, что ваше замужество за государственным преступником плохо скажется на его карьере?

«То есть могут уволить», – перевела я его фразу для себя и внутренне сжалась. Вредить Винсу не хотелось. Да, он мне не брат. Но он хороший человек и может стать по-настоящему близким.

– К тому же ваши племянники... Им ведь тоже предстоит искать хорошую школу, потом захочется, чтобы мальчики поступили в академию, – продолжал вкрадчиво рассказывать господин следователь. – Это будет сложно с таким родственником. Да и вы... не сочтите за наглость, сударыня, но куда вы собираетесь тратить деньги герцога? На наряды и драгоценности? Но ведь их некуда будет носить и некому показывать. Ни одна приличная семья не решится пригласить вас на прием, в салон и тем более на бал. Репутация ко-

ролевского преступника неизбежно испортит и вашу.

– Спасибо за заботу, сударь, – еще суше улыбнулась я, пряча за холодной вежливостью острую неприязнь.

Что им всем сделал господин ректор, интересно? Уже второй госслужащий упорно пытается убедить меня вернуть мужика, где взяла – на виселицу. Может быть, зря я, самонадеянная дура, поверила влюбленной Оливии?

Нет, даже если герцог – редкий гад, доставший всех вокруг, это еще не означает, что он виновен во всех навешиваемых на него преступлениях. Тут явно пахнет предвзятым отношением к обвиняемому.

– Я никогда не любила балы. А о брате и его детях при моих нынешних средствах сумею позаботиться.

Вот так. Меркантильно? Зато честно.

Мой собеседник едва заметно поморщился и посмотрел на притихшую мышкой Селестину. Подруженька, как и в дороге, упорно делала вид, будто ее нет, но под строгим взглядом мужчины едва заметно сжалась. Не оправдала возложенных на нее надежд? Сочувствую, но я баба упрямая и без прямых доказательств верить в чью-то вину не намерена.

– Что ж, тогда прошу меня извинить, – тоже перешел на официальный и строгий тон следователь.

В этот момент в кабинет просочился невзрачный молодой человек с пачкой бумаг. Обещанный секретарь с отчетами. Его появление оказалось настолько идеально вовремя, что сразу навеяло мысли об особом знаке или сигнале, кото-

рый я не заметила. Магия, не иначе.

А дальше начался форменный дурдом. Кто бы знал, как меня всегда бесила работа с бумажками!..

– Вот эти документы вам понадобятся в банке, чтобы переоформить все чековые книжки герцога Оттона Гемса. Вот по этой расписке, – я едва успевала читать и потом подписывать везде, куда указывал пальцем следователь, – вам выдадут изъятые из сейфа наличные. Но не обольщайтесь, за движением средств на счетах бунтовщика будет осуществляться строгий контроль.

У меня перед глазами мелькали огромные числа, выписанные красивым изысканно-витиеватым почерком. Суммы в местной валюте, оценка столичной недвижимости, имение раз, имение два, имение три... Долевое участие в какой-то мануфактуре, ценные бумаги, оценка хранящихся в сейфе банка семейных драгоценностей, стоимость родовых артефактов...

Не понимаю, почему все так обо мне переживают? Я смогу безбедно жить сама и содержать не только брата с женой и детьми, но и его будущих внуков с правнуками! Особенно если найду кого-то порядочного и разбирающегося во всех этих мануфактурах, чтобы деньги производили новые деньги.

Глава 11

Кто бы сомневался, что деньги здесь из металла. Хорошо хоть, не золотые. Конечно, по объему они могли быть меньше, чем вот эти четыре мешка монет, но по весу вряд ли.

И как мне дотащить богатство до кареты? На Селестину надежды нет. Она гораздо больше местная дама, чем я, тяжести отродясь не поднимала. И теперь вряд ли собирается.

К счастью, я не зря пятьдесят лет отпахала бабой в мужском коллективе. Помимо профессиональной зубастости отточила еще один важный навык: не пытаться самой лезть туда, куда можно отправить мужчину.

Для этого не надо особенно кокетничать или притворяться слабой. Достаточно улыбнуться и признать себя женщиной.

Даже господин следователь, такой строгий и непреклонный во время подписания бумаг, не устоял. И сам взялся за два мешка монет, кивнув на два других секретарю.

– Сударыня, позвольте проводить вас до экипажа.

Мешки с богатствами мужчины уложили в «багажник» – запирающийся на ключ сундук, приделанный к задней стенке кареты. После этого господин следователь галантно подал мне руку, чтобы помочь подняться в экипаж, при этом чуть нагнулся и интимно выдохнул мне в ухо последний на сегодня выстрел в охоте на герцога:

– Помните, сударыня, до венчания в храме все еще можно отменить. Вам даже не придется возвращать все деньги.

И ушел.

А я ехала домой – банк решила отложить на завтра – и едва сдерживала злую усмешку. Не первый раз меня пытаются купить, ох не первый. И явно не последний.

Селестину удалось стряхнуть с хвоста только после ужина, поданного Джоаной в малую столовую на первом этаже. Во время еды подружка продолжала выразительно помалкивать, благо я подстраховалась и пригласила Гаспара. В конце концов, это теперь личный доктор моего мужа, можно сказать, семейный врач, ну и друг, ко всему прочему.

Так что, отдав свой цилиндр Ховарду, Де Бар с благодарностью присоединился к нашей компании и принялся увлеченно рассказывать о том, что герцог уже принял два раза настойку для возвращения голоса, так что сегодня остался всего один прием. О том, что Кеннет сейчас крепко спит благодаря сонному зелью и моя задача – поить его этим зельем каждый вечер. О том, что нервная система у герцога раньше была довольно крепкой и вскоре обязательно восстановится, но сейчас ее следует поберечь.

В общем, Гаспар общался со мной как с женщиной, заинтересованной в выздоровлении своего мужа, а не как с меркантильной дрянью, решившей прибрать к рукам чужое богатство. Я чувствовала на себе его внимательный изучающий взгляд, но в нем не было неприязни. Возможно, потому,

что я внимательно слушала и старалась запомнить все рекомендации.

Посмотрим, что будет дальше. Но союзники, особенно среди друзей Кеннета, мне не помешают.

После ужина Гаспар вежливо откланялся, пообещав навестить нас завтра после полудня.

Стоило нам с Селестиной остаться вдвоем, как я сослалась на усталость и отправилась наверх.

Мне уже приготовили спальню по соседству с мужем. Так что я умылась, переоделась в лежащую на кровати ночную сорочку, обнаружила висевший на стуле теплый халат и застыла, заметив неизвестную мне юную стройную блондинку в зеркале...

Вот же дура старая! Это теперь я. Вспомни, баба, как девкой была. М-да. Ни морщин, ни ревматизма. Зато попытка убийства, заговор, подкуп и прочие прелести. Прямо как в свою рабочую молодость вернулась!

Я улыбнулась своему отражению и вдруг поняла, что зверски устала. Первый день новой жизни измотал меня сильнее, чем последний день старой!

Перед сном я заглянула к герцогу и залила в него третью ложку настойки. Он при этом даже не проснулся, инстинктивно сглотнул, не раскрывая глаз, пока я аккуратно придерживала ему голову.

Правда, спал Кеннет беспокойно, метался в подушках, кусал губы, стонал. И неудивительно. Бедный парень... Ру-

ка сама потянулась погладить по волосам, но я ее отдернула, побоявшись лишний раз беспокоить больного.

Вот только буквально через час, когда я наконец задремала в своей кровати, за стеной раздался уже не стон, а громкий, захлебывающийся хрип.

Подорвавшись, словно меня шилом снизу кольнули, я помчалась в соседнюю комнату. Вдруг там герцога убивают?! А что, решили втихаря, если на людях не вышло...

Кеннет в кровати был один, целый и невредимый. Только он уже не стонал и не метался, а бился едва ли не в судорогах, рвал с горла компресс и хрипел, пытаясь закричать.

Для начала я запаниковала. Что поделать, живой человек, имею право на слабость. Другое дело, что в прежней жизни первоначальный приступ паники давал жесткого пинка моим мозгам и они начинали работать с утроенной скоростью.

Слава всем ктулхам, так случилось и на этот раз. Я распахнула окно, впуская свежий прохладный воздух, и оказалась на постели рядом с бьющимся телом раньше, чем сообщила, что делаю. Одеяло долой, он запутался в нем, как в веревках палача. Компресс с шеи долой – любое прикосновение к этому месту еще долго будет вызывать у герцога только ужас. За неимением деревяшки в зубы я сунула ему угол подушки – чтобы не прикусил язык. Мокрое полотенце – графин на тумбочке оказался кстати.

– Т-ш-ш, все хорошо... это просто сон. Кошмар. Ничего не случилось, все хорошо... – Обтирать его лицо и широ-

кие плечи оказалось неожиданно приятно, словно гладить. И успокаивающе бормотать всякую чушь на ухо мне тоже понравилось. И позволять его пальцам ощупывать свободное от компресса горло, а потом вцепиться в мою руку до синяков.

А еще я не ожидала, что в этом времени герцоги носят подобное белье. Полупрозрачное. Подштанники из тонкого шелка или батиста, уж не знаю, – это все, что было надето на Кеннете.

Вот же старая ты развратница, Полька! Мужу плохо, а ты думаешь о том, что в этих труселях до колен он выглядит более голым, чем без них!

И волос у него на теле совсем нет... нигде. А у меня, в смысле у Оливии, кстати, есть. Хм-м... нет, подумаю об этом в другой раз!

Но память Оливии помимо моей воли подсунула мне картинку: Селестина в своей шикарной ванной хвастается темно-зеленой штучкой, похожей на губку. Очень дорогой, очень элитной и убирающей волосы на несколько недель после каждого мытья.

Возможно, позже стоит озаботиться.

– Все хорошо. Вот, вот так. – Я поднесла к губам мужчины стакан с водой. И он послушно приоткрыл рот, сглотив немного, не просыпаясь.

Дыхание стало ровнее, кошмар отступил. Я снова укрыла Кена одеялом, чтобы не замерз, – из открытого окна дуло.

А когда конвульсии окончательно стихли, попыталась встать с кровати и тихо слинять в свою комнату. Не тут-то было. Хватка на запястье стала крепче, лицо спящего исказилось болезненной гримасой, он снова захрипел.

М-да. И что делать? Что-что... спать. Не с кем же попал, а практически с законным мужем! Утром разберемся, кто куда и что к чему.

Глава 12

Спросонок я не разобралась, что происходит. Почему в моей кровати кто-то есть? Какому геронтофилу, господи прости, бабка понадобилась?!

Пару секунд лежала и в изумлении пялилась на лепной потолок со скромной позолотой по канту.

Наконец вспомнила. Моя смерть. Оливия и площадь с виселицей. Кеннет. Ночные кошмары.

Очень осторожно повернув голову, я полюбовалась четким профилем еще спящего мужчины. Красивый, чертяка. Будет обидно, если он окажется настоящим заговорщиком. Хотя с какого перепугу меня должна волновать судьба здешнего короля? Вдруг он тиран и ест на завтрак младенцев?

Нет, все же я человек системы. В стране должна быть твердая легитимная власть. А заговоры и революции – это всегда кровь, боль и триндец. Так что пусть лучше мой герцог будет невиновным.

Я усмехнулась, оценив, с какой скоростью подсознание приняло Кеннета за своего. Все правильно. Нервные клетки уже частично потрачены, бумаги тоже частично оформлены, так что этот красивый мужик – мой.

Вот только пора сматываться, пока он не проснулся. Лежать на теплой мускулистой груди приятно даже бабушке, не спорю. Но хорошего понемножку.

Увы. Первая же попытка уползти окончилась провалом. Кеннет дернулся и сжал мое запястье. Оказывается, он его так и не отпустил.

А потом герцог открыл глаза, и первые несколько секунд, пока он окончательно не проснулся, я читала на его лице все мысли, словно они были написаны плакатным шрифтом с неоновой подсветкой.

Сначала это был взгляд человека, обнаружившего утром в своей постели незнакомую красивую бабу. Ничего страшного, невероятного и неприятного. Со всеми бывает. С ним, судя по реакции, тоже.

Потом, чуть проморгавшись, Кеннет разглядел мое лицо. Узнал. Испуганно распахнул ресницы. Даже попытался промычать что-то вроде «где Селестина?». Понятно, вспомнил, кто я такая, и решил, что соблазнил нимфетку. Обалдел и пришел в ужас.

Вот только едва Кен попытался заговорить, как боль в горле живо напомнила, что же произошло на самом деле. И мужчина мгновенно застыл, напряженно глядя на меня.

– Вам снились кошмары, – пояснила я, осторожно отнимая руку. Герцог удивленно глянул на собственные пальцы, сомкнутые вокруг моего запястья. Отпустил. Нахмурился, глядя на посиневшие отпечатки.

– Ничего страшного. Со временем пройдет. Сейчас вам надо выпить лекарство, умыться и поесть. Наверняка Ховард принесет какой-нибудь бульон... а мне пора.

И, воспользовавшись тем, что меня больше никто не держит, я ртутным шариком скатилась с кровати. Где мой халат? Или черт с ним, до соседней двери и так добегу?

Судя по сдавленному кашлю за спиной, халат все же стоило поискать. А еще лучше – не снимать вовсе, когда я вчера полезла к мужу под одеяло. Потому что ночные сорочки здешних дам сшиты из той же полупрозрачной нежной ткани, что и трусы у мужиков. Толку, что до пят и с рукавами, если просвечивает все самое интересное?

Впрочем, то, как Кеннет оценил мои новые достоинства и прелести, мне понравилось. Кашлял он уж больно выразительно. Может, что и сладится, кроме расследования. К тому же такой живой интерес к женскому телу демонстрирует успешное выздоровление его собственного.

Интересно, какая у нас разница в возрасте? Оливия выглядит совсем девочкой, а герцог – мужик в самом расцвете сил. Ровно настолько, чтобы даже такая старая бабка, как я, не считала его «слишком молоденьким».

Под эти мысли я миновала кабинет и без всякого стеснения высунулась в коридор. Два шага до своих покоев. Ну кого можно успеть встретить?

М-да. Есть кого.

– О... Оли...вия... – на моей памяти Селестина заикалась впервые. – Ты... вы... вы консумировали брак?!

– Извини, но это наше личное дело. – Я прибавила скорости и скрылась за своей дверью раньше, чем бывшая подруга

успела опомниться.

М-да... про консумацию надо бы не забыть. Сколько нам на это дело выделили, тридцать дней? Считая со вчера? Хоть календарик на стену вешай, чтобы дни вычеркивать. А то увлекусь расследованием и про главное забуду. Как про квартальный отчет по раскрываемости. Сколько раз начальство шею мылило, прежде чем я научилась сочетать азарт ищeyки и правильно, а главное, вовремя оформленную документацию? Много. Аж первые лет пять.

А здесь шею мылить будут не мне, причем не фигурально, а в самом прямом смысле. Так, ладно, на стену ничего вешать не стану, но в блокнотик запишу. Только для этого надо завести блокнот.

Кстати! А где вещи Оливии? В доме брата, я так полагаю? Ну да... надо бы послать за ними.

За этими мыслями я успела одеться. Благо платье моя предшественница носила простенькое и недорогое, услуги горничной не требовались. Все застежки спереди. А снимала я наряд вчера не просто так. Внимательно смотрела, что где привязано и пристегнуто. Складывала в том порядке, в каком утром стану надевать. Не всю же дорогу полагаться на память Оливии.

Покончив с туалетом, я вышла к завтраку. К счастью, Джоана успела накрыть его в малой столовой. И там меня ждал только брат, успевший приехать с утра пораньше. Деловитый такой, собранный. Ему на работу-то не надо? Или от-

гул взял?

– Доброе утро. – Настроение было необычайно приподнятое, я с удовольствием проследила, как Джоана наливает мне кофе в чашку, и подхватила с блюда слоеную булочку. – Ты приехал, чтобы помочь мне разобраться с банковскими делами, да?

– Верно. – Улыбнувшись, мужчина благодарно кивнул, когда я взяла кофейник и сама налила ему кофе. – И не только с банковскими.

– Спасибо! А Селестина где? – Не то чтобы я хотела видеть «подружку». Но ее отсутствие показалось мне странным.

– Уехала куда-то. Очень спешила, – буркнул брат, увлеченно намазывая булочку маслом.

– Спешила?

– Да, знаешь, странно. – Винсент прервался и нахмурился. – Я никогда не видел ее без фамильного экипажа. Она всегда приезжала за тобой только в карете с гербом, даже если вы собирались посетить торговые ряды напротив дома. А тут, как раз когда я сходил с извозчика, выскочила из ворот поместья словно ошпаренная.

– Понятно...

На самом деле все очень запутанно. Возможно, Селестина побежала кому-то докладывать о том, что я уже переспала с мужем? И после этого у нас с Кеннетом начнутся проблемы. Или ее срочный отъезд объясняется чем-то более ба-

нальным?

– Мы поедem сразу в банк? – уточнила я, допивая кофе.

– Мне бы хотелось, чтобы ты заехала домой, – серьезно ответил Винсент. – Мальчики скучают по тебе. Но сначала дела. Нам надо посетить банк и академию.

В памяти резко всплыли слова блондина-следователя. Стало подозрительно, отчего все же брат не на работе. Неужели уже уволили?

– А у тебя не будет неприятностей из-за моего замужества? – виноватые нотки поневоле прозвучали в голосе. – Я понимаю, что об этом поздно спрашивать, но...

– Глупости, – улыбнулся Винс. – Возможно, я не самый лучший муж и брат. Но на службе меня ценят очень высоко. К тому же, – добродушная улыбка мужчины сменилась на саркастическую, – вряд ли они найдут кого-то еще, готового тянуть на себе все, что волоку я, за выплачиваемое мне жалованье.

– А в школе у мальчиков не будет неприятностей?

– Пока они на домашнем обучении. – Винс озабоченно нахмурился, и в его взгляде отчетливо проявилось беспокойство. – Дальше разберемся.

– Сразу после банка мы поедem домой, – объявила я, резко вспомнив подробности, связанные с болезнью племянников Оливии. – Вызовем того врача, на которого постоянно не хватало денег. И начнем лечение. Даже не спорь! – Встав, я подошла к брату и уверенно положила ладонь ему на плечо,

удерживая от возражений. Но их не последовало. Винс лишь вздохнул и ласково погладил меня по руке.

– Ты изменилась, – признал он, заставив меня напрячься. – Мне всегда казалось, что мы оба похожи на отца. Но со вчерашнего дня ты очень напоминаешь нашу мать. – Уф, отлично, прямо от сердца отлегло. Хорошо, что Винсент сам нашел подходящее объяснение происходящим со мной метаморфозам. – В критические моменты она вела себя точно так же. Служила нам всем надежной опорой. Мне очень стыдно, что я не унаследовал ее решительность и напористость.

– У тебя много других достоинств. – Наклонившись, я исключительно по-братски поцеловала Винса в щеку. – Ты добрый, умный, надежный, и я всегда могу на тебя рассчитывать в тяжелой ситуации. Как сейчас, с банком.

– Я уже прочел часть документов, что передал тебе господин Бонд. – Винсент слегка воспрянул духом. – Пока ничего неожиданного. Есть лишь пара моментов, которые стоит уточнить с личным поверенным. До завтрашнего утра закончу и обязательно поделюсь с тобой выводами.

– Завтра утром? – удивилась я. – А ты успеешь? Я думала, дела в банке и академии займут весь день.

– Ты всегда забываешь о моих способностях, – вздохнул Винсент. – И о своих, к слову, тоже. Ладно. – Махнув рукой, он тоже выбрался из-за стола. – Поехали?

– Да, – кивнула я, размышляя, о каких таких способностях

Оливии упоминал ее брат. – Сейчас прикажу подать экипаж. Не знаешь, его уже вернули на каретный двор?

В целом поездка в банк мне не очень запомнилась. Обычная бюрократия. К тому же мне почти ничего не пришлось делать. Всем заправлял Винсент. Он держался учтиво, но уверенно. Разговаривал с клерками на их языке. И добился результата в рекордные сроки. Мне даже показалось, что в современном отделении какого-нибудь банка с электронной очередью и компьютерами не справились бы с моим делом быстрее.

Очень скоро у меня на руках оказалась чековая книжка, оформленная на дорогой бумаге с магическими водяными знаками и золотыми монограммами. Насколько я поняла, стоило вписать сумму и выдернуть один лист, как тот превращался в уже оформленный чек на предъявителя, которым можно было расплатиться с кем угодно. Удобно.

А вот потом мы поехали в академию. И там все оказалось далеко не так просто.

Глава 13

– Не думаю, что подобным девицам есть место в элитном заведении!

Миловидная синеглазая секретарша нового ректора смотрела на меня как рачительная хозяйка на приبلудного таракана – с брезгливой гадливостью.

– Разрешите уточнить. – Я улыбнулась так любезно, что, будь у меня прежнее лицо и прежний мир, все знакомые уже разбегались бы с криками. – Меня отчислили из академии? Существует официальный приказ?

Винсент стоял за моим правым плечом и в любой момент готов был вступить в вежливые препирательства. Отчасти именно его поддержке я была обязана своей уверенностью.

Пока мы ехали в академию, брат Оливии успел прочесть мне лекцию о законодательстве. И по всему выходило, что никаких законов я не нарушила и в правах меня не ограничивали. Так что официальных поводов для моего отчисления у них не было.

Другое дело – неофициальные отношения. Тут каждому не угодишь.

Пока мы шли до кабинета ректора, на меня тарасились все кому не лень, от привратников у ворот до высунувшейся из окон столовки кухонной прислуги. В коридорах толпились студенты и преподаватели, но они хотя бы не показыва-

ли на меня пальцами.

Выходка Оливии оказалась настолько шокирующей для местного общества, что никто толком не знал, как на нее реагировать.

За исключением секретарши ректора. Та не сомневалась ни секунды, высказывая мне свое презрение.

Я спиной чувствовала, как напрягся Винс. Я знала, что он ненавидит воевать с бюрократами, но ради сестры был готов сразиться даже с драконом. Хороший человек, как ни посмотри. Стоит его поберечь.

– Эулалия, – раздался в приемной мужской голос. – Что происходит? Почему вы кричите?

По правде говоря, секретарша вовсе не кричала. Всего лишь немного повысила голос. Но здесь, наверное, настолько привыкли к тому, что леди разговаривают тихо и скромно, что даже пара тонов выше – уже крик.

– Господин ректор, – секретарша ничуть не смутилась, – тут пришла эта... со второго курса. Оливия Рокруа.

– Оливия Оттон Гемс, – педантично поправила я, не глядя на блондинку.

– Сударыня. – Высокий, лысоватый и носатый господин, выглядевший как слегка побитый молью английский лорд, учтиво склонил голову. – Вы прибыли, чтобы забрать документы?

Мне сразу же припомнилось, что Де Бар вчера сравнил его с печальным гоблином, и, несмотря на напряженную об-

становку, на душе стало по-боевому задорно.

Если честно, я бы предпочла сразиться с драконом. Или настоящим гоблином. Но выбора не было. Пришлось настроиться на победу. Может, конечно, гоблин-бюрократ хуже простого бюрократа. Но уж всяко не страшнее паспортистки из нашего ЖЭКа.

– Забрать? – изобразила я удивление. – С какой стати?

Ректору ничего изображать не пришлось. Он действительно изумился:

– Позвольте, сударыня. А вы разве не хотите оставить обучение, чтобы заняться семейными делами?

Я поборола соблазн оглянуться на брата, просто чтобы удостовериться – ничего не накосорезила совсем мимо Оливии. В ее памяти даже мельком не пробежала мысль после свадьбы оставить учебу.

– Нет, я не собираюсь бросать академию.

– Хм... – Усталый гоблин несколько завис. – Поймите, сударыня. Формально вы имеете на это полное право. Но ваш поступок слишком взбудоражил общество. К тому же ваш муж все еще государственный преступник, хотя и помилованный.

– И что же, я не имею права на образование?

– Отчего же, имеете. Но я бы советовал вам взять академический отпуск, скажем, на год. Уверен, за это время все наладится и все успокоится. К тому же вам потребуется время, чтобы вникнуть в дела семьи. Такое состояние требует

присмотр. Да и ваш муж... тоже.

Винсент за моей спиной шевельнулся и едва слышно покашлял. Плюнув на приличия, я оглянулась. Брат Оливии энергично кивнул, намекая на согласие. Как он собирался аргументировать это решение, я выясню потом. А пока надо самой все обдумать, и быстро.

– Это интересное предложение. – Я посмотрела на господина гоблина чуть благосклоннее. – Но ведь для этого не нужно забирать документы?

– Верно. – Кажется, ректор понял, что мы придем к соглашению, и расслабился. – Вы хотите посоветоваться с вашим сопровождающим? Можете пройти в мой кабинет, вас никто не потревожит.

– Благодарю. – Посоветоваться я хотела, но лучше это сделать дома. – В этом нет необходимости. Я готова оформить академический отпуск. Что для этого потребуется?

– Эулалия, займитесь, – не оглядываясь, бросил секретарше ректор. – С вашего позволения, сударыня. Если возникнут затруднения, я к вашим услугам.

Усталый гоблин скрылся в своем кабинете, а секретарша принялась яростно долбить по клавишам смешного агрегата, похожего на помесь прялки и печатной машины. Из узкой прорези на макушке этого чуда техники споро вылетали листы, которые мне надо было прочесть и подписать.

Краем уха я отчетливо слышала, как блондинка шипит сквозь зубы:

– Без году неделя, а туда же... выскочка, заполучила его светлость обманом и воображает, что он... да кто ей позволил вообще! Несправедливо! Надо созвать совет и подать официальный протест!

Так-так. Кажется, эта девушка здесь давно работает. И наверняка была секретаршей прежнего ректора – то есть моего мужа. Оливия ее не помнит, ну так она сюда и не смела никогда заглядывать, вздыхая по герцогу издалека и украдкой. А если и заходила в ректорат, то думала не о секретаршах.

Блондинка все не унималась, мешая мне внимательно читать документы. Такое впечатление, что она делала это нарочно. Вот это, например, что?

Подтверждая мои опасения, Винс тоже внимательно вчитался в последнее предложение, напечатанное на затеряншемся среди других листочке. Поднял глаза на меня. Я только улыбнулась в ответ, показывая, что заметила подвох.

– Госпожа Эулалия, – мой голос прозвучал вкрадчиво и нарочито вежливо, – извините, вас ведь так зовут? Не могли бы вы объяснить, как среди документов на оформление академического отпуска оказалась эта расписка?

– Какая еще расписка? – фыркнула блондинка. Встала из-за стола и выхватила листочек у меня из рук. Глянула, скривилась и, ничего не объясняя, попыталась выбросить его в корзину для мусора.

– Нет, позвольте. – Я оказалась проворнее и перехватила бумажку. – Думаю, это мне еще пригодится.

– Что вы себе позволяете?! – возмутилась было Эулалия. Но наткнулась на мой уверенно-насмешливый взгляд, считала готовность устроить скандал и молча сжала зубы.

– Ну что, вы все подписали? – прошипела она спустя пару минут, после того как швырнула в меня еще пачкой бумаг.

– Да, спасибо. Кстати. Подумайте вот о чем, сударыня. Если вы попытаетесь как-то опротестовать мой брак, пострадает ваш бывший начальник. Или вы именно этого добиваетесь?

Глава 14

– Академический отпуск действительно лучший выход, – уже сидя в экипаже, сказал Винс, с озабоченным видом перебирая бумаги в папке. – Тебе все равно не дали бы спокойно учиться. И за его светлостью действительно нужен присмотр. – Оторвавшись от бумаг, он серьезно посмотрел мне в глаза. – Я верю твоей интуиции и готов тебя поддержать, если ты считаешь его невиновным. Но все же...

– Все же лучше присмотреть и не рисковать, – кивнула я. – Мне совсем не хочется на виселицу.

– Зачем ты забрала у секретарши расписку? – Брат Оливии успокоился насчет того, не застит ли мне любовь мозги, и вернулся к делам насущным. – Это же чушь. Она вряд ли рискнула бы предъявить ее к оплате.

– Она собиралась с ее помощью шантажировать меня, а теперь будет переживать, что я стану шантажировать ее.

Секретарша не походила на мошенницу, способную ограбить наивную дурочку. Зато надеялась спасти своего бывшего начальника от свалившейся на него меркантильной гадены. Ну вот, теперь ей придется поумерить свои защитные инстинкты.

– А ты станешь? – Взгляд Винса стал азартно-внимательным.

– Только если понадобится. – Судя по удовлетворенному

лицу мужчины, мне удалось скрыть злорадство под мягкой успокаивающей улыбкой.

Винсент попросил остановить экипаж возле своего домика. Мне пришлось надавить, чтобы он пообещал как можно скорее договориться о приеме у мага-лекаря. Я выписала ему чек и сунула в руку, не слушая возражений. Не для него – для детей!

В особняк я прибыла в приподнятом настроении. Все же, что ни говори, перенестись из старого тела в молодое – чудо. Из-за всех свалившихся проблем не сразу удалось им проникнуться. Ну вот, с запозданием, но до меня докатилось осознание свалившегося счастья.

Ничего не болит. Нигде не тянет. Не скрипит и не потрескивает. Голова не кружится, память вернулась, соображать стала как прежде. Двигаюсь вновь так же легко, как раньше. Не хочется присесть, а лучше прилечь после двух десятков шагов. Желания молодые просыпаются. Даже аппетит такой, о каком я давно и думать забыла.

Увы, долго наслаждаться прелестью молодости мне не дали. Стоило только войти в двери дома, как на пятой точке активировалась интуиция. То ли дворецкий слишком быстро отвел глаза. То ли вернувшаяся с прогулки Селестина выскочила навстречу как-то неожиданно и прицепилась словно банный лист. То ли... не знаю.

Селестину пришлось обломать. Я отправила ее в столовую ждать обеда, категорически запретив навещать дядю.

Не открывает на ее стук? Значит, спит! Нечего беспокоить моего мужа, он должен отдыхать. А мне можно. Я же жена.

Подруженька привычно надула губы, посмотрела тяжелым ядовитым взглядом и удивилась, когда поняла, что на меня это совершенно не действует. Пока она удивлялась, я сбежала.

Дверь в покои герцога действительно оказалась заперта, но стоило мне пожелать войти, как она раскрылась. Магия? Наверное...

Вот только мне сейчас было не до тайн, связанных с поведением дома. Войдя в спальню, я обнаружила, что Кеннета в ней нет. Ни в кровати, ни в соседней комнатенке с полками, нигде! Сбежал! Испарился! Вот... гад! И бежать-орать об этом на весь свет нельзя, потому что в доме Селестина.

Получается, он все же преступник? Думай, бабка, думай, молодость сохранишь. Теоретически у герцога нет особых причин мне доверять. Да, я его спасла от смерти. Но меркантильных мотивов не скрывала, и вообще... вдруг это тайный план его врагов?

То есть уйти он мог не только для того, чтобы довести начатое покушение до конца. К тому же покушениц из него сейчас так себе.

Выдохнув, я огляделась, чтобы убедиться – передо мной не место преступления и убийств здесь без меня не происходило. Кена никто не похищал. Но не голый же он ушел? Что взял, что оставил?

С гардеробом мужа я пока в подробностях не знакома. Однако вчерашняя обстановка в комнате очень ясно отложилась в памяти. Так что я быстро провела сравнительный анализ.

Дверца платяного шкафа приоткрыта чуть больше. В корзине для грязного белья прибавилось тряпок. И блокнота на тумбочке у кровати раньше не лежало.

Вот блокнотом я первым делом и занялась. Классика протокола осмотра места происшествия, сто раз описанная в детективах. Листок, на котором беглый муж что-то написал, вырван.

Унес с собой? Или отправил кому-то?

Писал Кеннет с определенным нажимом, скорее всего, не пером, поэтому я без особенного труда с помощью оконного стекла и дневного света прочла, что же он там чиркал такого секретного.

Так. «Желтое, перечница, пятнадцать сантиметров». Шифровка прямо какая-то! Но хоть слова знакомые.

Зато под ней вообще что-то условно похожее на схему. В моей собственной памяти ничего похожего нет. А память Оливии вся в дырах, словно решето. Но скорее всего, именно через него просочилось знание, что стрелочками в кружочках обозначают направление магических потоков.

Потом опять слова, вроде понятные по отдельности. Но вместе – лишь новая шифровка, причем Кеннет тоже не все понимал, похоже.

Например, сначала написано «Дублированное воздействие», затем куча вопросительных знаков. Так и тянет рядом еще свои подрисовать.

Потом в столбик какие-то цифры и буквы через дефис. О! А я знаю, что это – номера стеллажей и обозначения полок в библиотеке при академии!

Точно записка, чтобы кому-то передать. Если Кеннет наизусть помнит, где какую книгу искать, ему нет нужды записывать это для себя.

Значит, выдал кому-то задание. Наверняка через дворецкого, то-то Ховард глаза отвел при встрече. Дворецкий-то он отличный, а вот шпион так себе.

Но если записку герцог отправил через слугу, куда потом поперся сам? Он же сидеть нормально не мог, не то что ходить!

Глава 15

Гадая и обдумывая, я продолжила обыск спальни. Даже удивительно, насколько хорошо в памяти отложилось, как все здесь было вчера. У меня, конечно, тренированная наблюдательность следователя, но настолько четкой картинкой никогда перед мысленным взором не возникало. Даже в полюбившейся мне на старости лет компьютерной игре, когда на экране надо было найти изменения или спрятанные предметы, так ловко не выходило.

В голове навязчиво зажужжало что-то про особые способности Оливии. Но я совершенно не привыкла к такой глупости, как магия. Поэтому отключила настырную жужжалку, чтобы не мешала заниматься привычным делом.

Изучив спальню, я решила заглянуть в гардеробную. Просто так, из любопытства, чтобы оценить, во что тут мужчины наряжаются. Все же нижнее белье произвело на меня неизгладимое впечатление. Ну и еще для того, чтобы поискать улики какие-нибудь, подсказки направления поиска мужа.

Едва зайдя в небольшую, по сравнению со спальней, комнату, я застыла, разве что не принохиваясь. Пятая точка вспыхнула, намекая, что мы с ней на верном пути.

Зеркало, расчески, парики... Зачем парик на такую шикарную шевелюру, как у Кеннета?! Шляпы, галстуки, рубашки и камзолы. Все аккуратно развешано и разложено по по-

лочкам.

Странно, почему сюда не заглядывали с обыском? Я бы как раз искала тайную переписку, бумаги и прочие незаконные мелочи среди одежды, а не внизу, на кухне. Спальню, кстати, тоже не разнесли. Может, гвардейцев просто не пустили выше первого этажа? А здесь обыск проводили профессионалы?

Мой взгляд несколько раз споткнулся о стоящую на призеркальной тумбе шкатулку. Во-первых, очень нервировал не полностью задвинутый ящик. Во-вторых, шкатулка была не плотно закрыта, а прикрыта, причем довольно небрежно, наспех. Все это сильно выделялось из общей картины идеального порядка.

Естественно, было сложно удержаться и не открыть. Внутри лежал браслет. Я взяла его и принялась разглядывать. Хм, странный рисунок. Несимметричный. Будто на серебряной пластине нарисовали геометрический узор, потом отрезали половину, согнули остаток широким незамкнутым кольцом и сделали украшение.

И что мне с ним делать? Только беспокойство все усиливалось.

Куда же делся этот олух, прости господи? Не схватили ли его снова? Хочет мужик повисеть еще раз – на здоровье, конечно. Только теперь я с ним в одной связке! Но как же мне отловить его раньше, чем это сделают власти?

Словно услышав мое желание, браслет, который я маши-

нально примерила на руку, резко нагрелся. А в следующую секунду я обнаружила, что спальня герцога исчезла. Зато появилась витая решетка, за которой зеленел буйный, но упорядоченный парк, в глубине которого высилось что-то подозрительно напоминающее дворцовый комплекс. И будто этого мало, за ближайшими к ограде кустами что-то панически шуршало вдаль, а перед этим местом у решетки застыл беглый муж. К которому стремительным шагом направлялся отряд стражи во главе с уже знакомым господином очкариком, то есть Бондом. Пришлось кинуться наперерез врагам.

– Я готова, дорогой. – Мне удалось подхватить герцога под руку в самый последний момент. – И ты был прав, пожалуй. Эти розы слишком блеклые для нашего сада.

Во взгляде Кеннета промелькнуло изумление, граничащее с ужасом. Бедолага оказался совершенно не готов к моему появлению. Однако он даже не пытался вырваться, так как едва стоял на ногах. И подхватила я его весьма кстати, не дав покачнуться.

– Сударыня. – Бонд с гвардейцами домчались до нас как раз в тот момент, когда я хмуρο рассматривала розовый куст за оградой и втолковывала мужу:

– Нет, нет и нет. Слишком светлые. Я понимаю, дорогой, что ты хотел мне показать, но все же у нас не королевская резиденция. Этот пурпур будет смотреться вызывающе, а этот алый не будет гармонировать с бархатной сиренью.

Господи, что я несу? Но ничего другого в голову не при-

шло. Зато розы вон, за ажурной решеткой, в наличии. Аккуратными куртинами. И лиловые, и алые, и нежно-розовые. Пахнут так, что голова кружится. Р-р-романтика!

А стража здесь совершенно неуместна.

– Сударыня! – настойчиво напомнил о себе мужчина, сердито сверкнув на меня очками. – Что вы здесь делаете?

– Господин Бонд? – Я очень натурально удивилась. – Вы нас преследуете? Я уже не могу обсудить с мужем устройство своего сада?

– Его светлость не нашел другого места, чтобы обсуждать садоводство? – ядовито отозвался представитель закона, сверля нас подозрительным взглядом. – Только возле королевской резиденции? Там, где государственным преступникам появляться без присмотра категорически запрещено?

– Па-азвольте, – тут же отреагировала я с вызывающей вежливостью.

Локоть Кена, на который я якобы опиралась, вздрогнул. И вообще, герцог даже через рубашку и длиннополый пиджак казался неестественно горячим.

– Во-первых, мой муж получил королевское помилование и формально чист перед законом. Во-вторых, кто вам сказал, что я за ним не присматриваю?

После моей отповеди разобрало обоих мужчин. Один нахмурился, словно съел что-то кислое, второй закашлялся. Подумаешь, какие все впечатлительные!

И присмотрю, и дотащу, если придется. На ногах ведь

не стоит уже. Так что сначала лекарствами накачаю, потом скандал устрою в воспитательных целях.

Интересно, в этом мире наручники есть? Похоже, придется закупить, чтобы сидел дома, а не цветами любоваться бегал!..

А еще я мельком заметила на Кеннете браслет, скрытый от чужих глаз под манжетой. Правильно, посторонним видеть наши украшения не нужно. Ведь они, словно половинки друг друга, притянулись и нагрелись, едва мы оказались рядом.

Но я-то не чужая и стояла очень близко, намертво вцепившись в мужа. И отчаянно переживала, что не могу обхватить всю его руку сразу своей маленькой узкой ладонью.

Меня саму тоже ощутимо пошатывало. То ли неизвестный способ переноса браслетом подействовал, то ли в целом переволновалась. Но мы с герцогом сейчас были похожи на два дерева, ударенных бурей, которые не падают только потому, что опираются друг на друга.

При этом мы оба продолжали настороженно следить за господином Бондом. На его лице отразилась целая гамма разнообразных чувств, однако лидировали настороженность и подозрение. Придаться стало не к чему?

Уж не знаю, откуда он узнал, где Кеннет, но бежал сюда быстро, даже запыхался немного. Надеялся схватить бунтовщика и довести казнь до конца?

– Сударыня, вы выбрали неподходящее место для про-

гулок, – сквозь зубы процедил мужчина, угрожающе сверкая на меня стеклами очков. – Настоятельно советую вам его покинуть. Где ваш экипаж? Не будете же вы утверждать, что пришли через полгорода пешком, чтобы полюбоваться на королевский розарий? – со злым ехидством поинтересовался он.

От его вопросов я ощутила легкий зуд и желание выругаться, по-нашему, по-следовательно.

Откуда мне знать, где экипаж и как тут вообще появился Кеннет? Точно не на своих двоих прибежал, такой полудохлый. Скорее всего, тоже браслетом принесло, и теперь стоит, боится, что я про украшения проговорюсь. Вон как рука закаменела и лицо вытянулось.

Совсем меня за дуру держит, не иначе. И главное, молчит, зараза такая, словно воды в рот набрал!

А, точно! Он же говорить нормально не может. Так что думай, Полина, думай... Здесь есть личный транспорт и вызываемый, прямо как у нас, только вместо машин кареты. И с личным что-то не так, раз с утра Селестина им не воспользовалась.

– Почему пешком? В экипаже. Приехали и отпустили. – С хорошо сыгранным недоумением глядя на Бонда, я пожала плечами. – В чем проблема нанять новый, когда решим вернуться домой? – Вложив в вопрос побольше насмешливого сарказма, я добавила пару ложек дегтя: – У нас же теперь нет даже домашней прислуги, не то что кучера. Да и лоша-

дей не пересчитывали, вдруг их поголовье тоже под шумок сократили?

По тому, как одобрительно покосился на меня муж, я поняла, что моя отповедь ему понравилась.

А вот господин Бонд всем своим видом выражал осуждение и недовольство. Но раз даже оправдываться не рискнул, значит, мои предположения насчет лошадей могут оказаться правдой.

Однако я чувствовала, что канцелярский чинуша от нас теперь так просто не отвяжется.

У него сработал профессиональный нюх на вранье. Пусть доказательств пока нет, но искать станет обязательно, и очень настойчиво. Тем более подозревает он теперь во всех грехах не только Кеннета, но и меня, за компанию.

Глава 16

Домой мы вернулись в наемном экипаже. Да-да, прямо на глазах у господина Бонда сели в стоящую у обочины пролетку и укатили, провожаемые его недовольным взглядом.

В дороге молчали. Муж говорить не мог, а я не собиралась скандалить на улице при посторонних. Но в том, что поскандалить надо, даже не сомневалась.

Конечно, бить посуду о голову Кеннета пока еще рано, даже в шутку. А вот насчет наручников я задумалась всерьез. Если он продолжит убегать, никаких браслетов не хватит. Окажемся на виселице сладкой парочкой.

На крыльце нас встретил встревоженный Ховард и попытался отобрать у меня мужа. Тихо бормоча, что хозяин устал и надо помочь ему подняться, он подставил плечо и потянул Кеннета в сторону лестницы.

Не тут-то было. Я вцепилась в добычу обеими руками так хищно и недвусмысленно, что оба мужчины посмотрели на меня с откровенной опаской.

Только тогда я опомнилась и отпустила Кена, предварительно сняв с него браслет и старательно проигнорировав возмущенно-испепеляющий взгляд. Зато теперь дальше спальни он даже с помощью Ховарда не убежит. Ругаться в холле и на лестнице мне не хотелось, так что пусть ползут.

Я пока хоть отдышусь и немного подумаю. План состав-

лю, что и как сказать мужу, чтобы не матом. А то он решит, что в Оливию вселился бес, а не старая бабка-попаданка.

Проводив взглядом ковыляющих беглецов, я убрала оба браслета во вшитые в платье карманы и отправилась на кухню, уселась за небольшой столик и попросила у Джоаны кофе с чем-нибудь покрепче. Надеюсь, что здесь имеется нечто похожее на коньяк, мне сейчас очень надо!

Домоправительница окинула меня оценивающим взглядом, хмыкнула и выдала чашечку, ложечку, блюдечко, песочное пирожное. И маленькую бутылочку настойки с приличным для леди содержанием алкоголя, безумным количеством сахара и каких-то душистых трав.

Пирожное было очень кстати, теперь я хотя бы не съем мужа в ближайшие полчаса. А то ведь так и не пообедала нормально, и, между прочим, из-за него!

Когда я все же поднялась в спальню, бессовестный беглец всюду делал вид, что он самый больной мужчина в мире и потому просто невероятно крепко спит. Я бы даже поверила, если бы не едва заметная дрожь ресниц и мелькнувшая за поворотом коридора пола форменного сюртука дворецкого. Ховард только-только вышел от хозяина, но постарался сделать так, чтобы я этого не видела.

Бутылочка с микстурой Де Бара стояла на тумбочке рядом с кроватью, и жидкости в ней не убавилось. То есть и лекарство не выпил, и по улицам с плохими дядьками бегал, и вообще нехороший мальчик.

Фыркнув про себя дурацкому сравнению, я вошла в комнату, села на кровать и бесцеремонно потянула с мужа одеяло.

– Сударь, вы слишком взрослый для таких трюков. Давайте поговорим как разумные люди. В другой раз я могу и не успеть на обсуждение королевских роз.

В ответ ресницы еще раз дрогнули, поднялись, и меня одарили мученическим взглядом усталого трудяги, который в конце дня обнаружил дома не сытный ужин и мягкую кровать, а злую стерву-жену со сковородкой наперевес.

– Во-первых, браслет я вам пока не отдам. Чтобы снова не сбежали. – Я пододвинулась ближе и потянулась за микстурой и ложкой. – Во-вторых, откройте рот.

Ресницы – черт, мне бы такие! – моргнули. Потом его светлость прищурился на бутылку в моих руках и скривился так, словно ему предложили выпить яду. Но приподнялся, явно не собираясь отлынивать от лечения. Даже ложку у меня отобрал и сам налил в нее лекарство. И сам проглотил.

Я тут же протянула стакан с водой, чтобы запить, и вполне мирно поинтересовалась:

– Ну и куда вы бегали так срочно?

Муж выразительно покашлял, потирая шею. И сердито нахмурился на с готовностью подсунутый блокнот:

– Писать вы умеете, я уверена.

«У меня была срочная тайная встреча». У него даже буквы вышли гордо-нетерпеливые, словно он каждым завитком

отмахивался от меня, как от надоедливой мухи.

– Это я уже поняла. Но хотелось бы знать подробности.

«Мой собеседник рисковал жизнью». Теперь буквы стали немного пафосными. Как и выражение лица герцога.

– Как мило. О том, что вы рисковали своей, думаю, напоминать не стоит. Но вот то, что и моя жизнь теперь накрепко привязана к вашей, я, извините, забыть не могу. И вы, получается, рисковали мной. Большое спасибо, – с непередаваемым выражением протянула я. Непередаваемым – потому что цензурных слов для моих чувств еще не придумали.

Кеннет попытался состроить суровое недовольное лицо, но во взгляде промелькнуло чувство вины. Во! Хороший мужик, надо брать. В смысле, беречь. Я бы на его месте непременно напомнила, что за косы к виселице меня никто не тянул, сама захотела. Риски же сполна оплачены положением и герцогским состоянием.

Но мужчина, видимо, счел ниже своего достоинства тыкать женщине под нос очевидные вещи. Тем более спасительнице. Он просто замолчал. В смысле – отложил карандаш.

– Я вам очень сочувствую, – от всей души проникновенно проговорила я.

Вопросительный взгляд мужчины вернулся с потолка ко мне.

– Да-да. Видите ли, вы просто еще не понимаете, с кем связались. Ваших денег, дома, слуг и титула мне мало. Я хочу

безопасную обеспеченную жизнь и вас в придачу. Целиком. Живого и невредимого. В полное свое пользование. И твердо намерена помешать порче собственного имущества с неизвестными мне целями!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.